

Сутра ста притч

По давней традиции книга «Сутры ста притч» (Бай Юй Цзин) входит в свод буддийских сочинений на китайском языке Да Цзан Цзин или в китайскую Трипитаку (В Китае имеется несколько старинных изданий всего свода, наиболее раннее относится к 1239 г. Мы пользуемся японским изданием Да Цзан Цзин, наиболее полным по составу и надёжным в смысле учёта всех вариантов входящих в свод текстов. Оно носит название — Заново составленная Трипитака годов Тайсё. Т.I-LXXXV. Токио, 1924 – 1929. «Сутра ста притч» входит в т. IV «Трипитаки Тайсё», №209, с.534 – 557), в раздел Бэньюань, «Первопричины», от санскритского *jataka* — «джатака»). Так называются в буддизме рассказы о предыдущих перерождениях Будды и других святых. Отдельные джатаки обычно связываются между собой с помощью причинной связи: состояние, которого достигает человек или иное существо в новом перерождении, обусловлено его благими или злыми делами (кармой) в перерождении предыдущем.

Однако не все произведения раздела Бэньюань могут быть названы джатаками. Сюда же входят легенды и притчи, объединяемые под названием «авадана» (*avadana*), или по-китайски пиюй «уподобления», из которых нас здесь будут интересовать только краткие «уподобления», т.е. собственно притчи (Притчи противопоставляются обширным аваданам-преданиям; примером такой аваданы является текст, опубликованный в книге: Бон-гард-Левин Г. М., Волкова О. Ф. Легенда о Кунале (*Kunalavadana* из неопубликованной рукописи *Asokavadanamala*). М., 1963). Как правило, аваданы, в том числе и притчи, отдельными произведениями не являются. Это скорее один из приёмов, употребляемых при рассказывании сутр. Связан этот приём с понятием «средства» (фанбянь, санскр. *урау*).

В сутрах, в том числе и в самой популярной из них — «Сутре о лотосе сокровенного закона», (*Saddharma-pundarika-sutra*), неоднократно говорится об опасности излагать для непосвящённых сокровенный закон учения Будды непосредственно и во всей его глубине. Неподготовленный человек может испугаться, даже отвратиться от истинного пути, в положениях своих несходного с привычными представлениями этого мира. Поэтому лучше действовать исподволь, с помощью особых средств, одним из которых и является рассказывание притч, где сложное и непривычное понятие уподоблено привычным житейским вещам. Одна из притч «Сутры о лотосе сокровенного закона», чаще кратко называемой «Лotosовой сутрой» (цзюань 2), которую мы вследствие её обширности приведём только в кратком изложении, служит хорошим примером таких рассказов и в то же время иллюстрирует, как с помощью притчи объясняется само понятие «средства». Условно эту притчу (в подлиннике названия не имеющую) обычно называют «Притчей о сыне-бедняке».

У одного богача был блудный сын, живший в бедности и добывавший себе пропитание собственным трудом. Долгие годы отец повсюду его разыскивал, но безуспешно. Однажды сын-бедняк неожиданно столкнулся с отцом, испугался роскоши богатого подворья не узнавшего им родителя и пустился наутек. Тогда отец велел догнать его и дал сыну привычную для того самую черную работу. И только после ряда постепенных повышений, после того как сын по своему положению приблизился к отцу, богач открыл своему отпрыску, кто он такой, и назначил его своим наследником. В заключение этой истории ученики Будды уподобляют самих себя блудным сыновьям, а Будду — отцу, который постепенно, шаг за шагом, с применением приёмов — «средств» приводит своих духовных сыновей на путь истины.

Как и обычно в буддийских сочинениях, приведённая притча есть лишь «средство», употреблённое в более обширном повествовании, и как самостоятельное произведение рассматриваться не может. Отдельным литературным жанром притчи ещё не стали, хотя, конечно, возможность их выделения в таковой не была исключена.

Однако в том же разделе китайской Трипитаки — Бэньюань — есть произведения особого рода, именуемые «сутры притч» (пиюйцзин, *avadana-sutra*), где явно намечается тенденция к обособлению притч в отдельный разряд литературы. Таких произведений в Трипитаке совсем

немного: кроме «Сутры ста притч» имеется ещё пять сутр этого рода. Все они невелики по объёму — не превышают двух цзюаней, т.е., в древнем китайском, исчислении, двух свитков. Впрочем, стандартная длина свитка в разные периоды менялась. Примером может служить та же «Сутра ста притч», которая в самых старых каталогах обозначена как имеющая десять свитков (цзюаней), а в нынешнем стандартном издании состоит из четырёх свитков. Значит, длина свитка к XI в. (когда были отпечатаны первые стандартные издания) увеличилась в 2 и более раза.

Есть основания думать, что сутры притч, или авадана-сутры, были созданы сравнительно поздно. Если другие сутры анонимны и имена составителей их нам неизвестны, то имена авторов или составителей авадана-сутр дошли до нас в трёх из шести случаев. Это значит, что переводчики знали эти имена и что жизнь их носителей не была отделена от времени перевода слишком большим интервалом. Характерна ещё одна особенность: при указании имени автора, располагающегося, по китайскому обычаю, сразу после заглавия, в сутрах притч употребляется не глагол «создал», как мы это видим в других буддийских сочинениях, создатели которых известны, например в шастрах; вместо него мы обнаруживаем в авадана-сутрах другой глагол — «собрал», что, несомненно, указывает на компиляторскую деятельность и на то, что переводчики об этом знали. Об этом свидетельствуют и скудные биографические сведения, дошедшие до нас.

Обратим внимание, что «собрал», а не «создал» говорится в колофонах именно про Дао-люэ. Творчество этого автора свидетельствует о том, что перед нами (и можно считать, что во всех случаях, разбираемых здесь) сравнительно поздние компиляции и что некоторые из собраний притч, кроме того, составлены непосредственно в Китае на потребу китайского читателя.

Если подавляющее большинство буддийских канонических сочинений оформилось за пределами этой страны и лишь потом они были переведены, то здесь дело обстоит несколько иначе. Сами притчи — несомненно, плод иноземной традиции, но имеющиеся своды притч были составлены или в самом Китае, или за пределами его, но явно с учетом развития китайской литературы того времени. Иными словами, если сутры этого рода и ввезены, то составители их явно ориентировались на китайские вкусы того времени и компилировали эти сочинения в расчёте на тогдашнюю китайскую публику. Этому последнему положению есть и фактические подтверждения, но слишком сложные, чтобы подробно рассматривать их на страницах настоящей статьи.

Тот период, когда в Китае появлялись сутры притч, т.е. II – V., был временем широкого распространения в стране сборников коротких рассказов, наиболее известный из которых — «Поиски духов» был составлен в первой половине IV в. Гань Бао.

Рассказы эти излагают небольшие сюжеты фантастического или позже бытового характера и, как правило, не включают морализующего элемента. Их появление и широкое распространение знаменуют собой тот факт, что в повествовательной прозе этого периода впервые в истории китайской литературы проявляется интерес к сюжету, как таковому, независимо от того, можно ли из данного рассказа вывести некие полезные поучения или нет. Ранее сюжетное повествование, басня, притча, исторический эпизод и т.п. не имели самостоятельного значения и использовались как иллюстрация к философским положениям, как наставляющий потомков исторический прецедент, как повод для морального поучения. Ту же самую тенденцию к выделению сюжета, как имеющего самостоятельное значение литературного явления, мы наблюдаем и в появившихся в это время буддийских сочинениях — книгах притч. Сохранение в них более сильного дидактического оттенка, нежели в светских сборниках коротких рассказов, неудивительно для сборников буддийского толка. Удивительным может показаться другое: столь малый и столь упрощённый наставляющий и морализующий элемент, в них заключённый.

Сравнение с параллельно развивающимися явлениями оригинальной китайской литературы показывает, что в буддийской литературе, прямо или опосредованно восходящей к индийским образцам (в том числе и тогда, когда сводные сутры притч составлены в Китае, но на материале иноземного происхождения), наблюдаются те же процессы. Поскольку в самом выборе переводов и в особенностях подхода к переводимому материалу всегда сказываются вкусы и тенденции эпохи, поскольку переводы являются фактом той словесности, на язык которой переведено

произведение (кому придёт в голову изучать, например, Гомера по русским переводам, но переводы Гнедича и Жуковского составляют несомненную, важную даже часть русской литературы), поскольку для передачи особенностей оригинала приходится изобретать средства в языке перевода — по всем этим причинам мы вправе рассматривать сутры притч как имеющие значение для развития китайской литературы прежде всего, как произведения этой литературы, и никакой иной. Не меняет дела и тот факт, что притчи китайских авадана-сутр не сохранились в санскритском (или каком-то ином) оригинале. Для изучения этой исходной литературы мы — хотя бы мысленно — должны прибегать к реконструкциям или допущениям, что имеющийся перевод правильно отражает облик исходного литературного произведения. По изложенным причинам мы рассматриваем сутры притч на фоне китайской литературной действительности того времени.

Взаимовлияние собственно китайской и переводной сюжетной прозы можно расценивать двояко: считать, что перевод буддийских притч вызвал к жизни короткие рассказы этого периода, или же наоборот, что притчи, собранные в сборниках, отразили уже сложившиеся в Китае традиции составления сводов коротких рассказов. Факты истории китайской литературы показывают, что первые сборники коротких рассказов начали появляться в Китае в I в. н.э. Первая же сутра притч была переведена (и, может быть, составлена), как мы уже знаем, в конце II в. Если бы буддийские притчи послужили образцом для китайского короткого рассказа, то в этом последнем непременно наблюдалось бы тяготение к морализации и, может быть, к морализации буддийского толка — и уж во всяком случае, в сборниках рассказов попадались бы вкрапления буддийского материала. Между тем мы наблюдаем как раз обратное: со временем уменьшается дидактичность притч и они по своему облику становятся ближе к собственно китайскому рассказу. Наибольшая близость обнаруживается в тех случаях, когда можно утверждать, что до своего окончательного оформления книга притч определённое время обращалась на китайской почве (к этому вопросу мы ещё вернемся ниже). Нет также в ранних сборниках рассказов (вплоть до V в.) и сюжетов, которые с уверенностью можно было бы квалифицировать как буддийские. Наконец, есть сборники буддийских притч, составленные в самом Китае, а значит, с расчетом на вкусы китайских читателей или слушателей. Все это убеждает нас, что именно буддийская литература этого рода при своем появлении в Китае следовала за китайской, а не наоборот. Все сказанное отнюдь не исключает роль буддийских сюжетов и литературных форм для последующего развития китайской литературы: она, эта роль, как достаточно хорошо известно, была весьма значительной и определила многое во всех слоях китайской словесности.

Об истории создания «Сутры ста притч»

Об истории создания «Сутры ста притч» известно более, чем об остальных сочинениях этого рода. Сведения о ней мы обнаруживаем в двух библиографических сводах, написанных почти одновременно с её переводом на китайский язык, выполненным Гунавриддхи. Первый источник — это каталог буддийских сочинений на китайском языке «Собрание сведений о переводах Трипитаки».

Каталог составлен известным деятелем буддизма Сэн-ю (445 – 518), конечно, не позднее 518 г. — года его смерти. Второе сочинение «Жизнеописания достойных монахов» составлено в 519 г., автор его — Хуэй-цзяо. В обоих сочинениях тексты биографии Гунавриддхи весьма близки друг другу, но есть и разночтения, подчас значительные, точно так же как и в более позднем «Буддийском каталоге годов Кай-юань» датируется 730 г.), автором которого является Чжи-шэн. Приведём в переводе биографию, как она читается в «Собрании сведений», цз. 14, с указанием разночтений по двум другим источникам.

«Гунавриддхи (Gunavrdhi), человек из Центральной Тяньчжу (Индии). В нежные годы, следуя за своим наставником на Пути Будды, стал служить наставнику в законе Большой Колесницы (Махаяны) Сангхасене (Sanghasena) из Тяньчжу. Умный, с цепкой памятью, Гунавриддхи усердствовал в изучении наизусть и мог произнести сверх ста тысяч слов сутр Большой и Малой Колесниц (Хинаяны и Махаяны). Ещё изучал внешние (небуддийские) сочинения и постиг учение о силах инь и ян. В более поздние времена встречался с гадателями и во множестве перенимал их опыт, поэтому его слава мага-даоса была слышна в Западном Крае. В начале годов Цзянь-юань (479) прибыл в столицу и остановился в обители Бай-шали. Взяв в руки посох настоятеля, строго поддерживал благочиние среди своих последователей. Вань, гуны и другая знать наперебой слали

ему приглашения. Первоначально Сангхасена в стране Тяньчжу, выписав и собрав воедино из сутр двенадцати разделов и в Сутрапитаке главнейшие притчи, составил сочинение в целом из ста историй, чтобы наставлять вновь вступающих в учение. Гунавриддхи произносил их все наизусть вместе с поучениями, поясняющими их смысл, а к десятому году правления под девизом Юн-мин (492), осенью, перевел на язык Ци (китайский), всего в десяти цзюанях (свитках) под названием «Сутра ста притч». Кроме того, перевёл сутры «Судатта-чжанчжэ» и «Двенадцать видов судеб», каждая по одной цзюани. После годов Да-мин (457 – 464) переводы сутр прекратились, и его деятельность по распространению в мире драгоценности Закона заслужила всеобщее одобрение. Как человек, Гунавриддхи имел обширнейшие познания, был добр в общении, усерден в следовании Пути Будды, даже по ночам не ленился, и потому толпы людей из иноземных общин-сангха приходили к нему за десять тысяч ли. Купцы из Южных морей все служили его школе, являясь к нему с дарами в течение всего года непрерывно. Склонен он был к обильным накоплениям и обогащению сокровищниц, но для устроения дел Закона, а не для самого себя. В Цзянье (нынешний Нанкин, тогда — столица династий Ци и Лян), на берегу реки Хуай, построил обитель Чжэнгуань с двухъярусной надвратной башней и скромно украшенными палатами и кельями. В воспитании учеников и в обращении людей в Закон Будды заслуги его очень велики. Во втором году Чжун-син, зимой (конец 502 или начало 503), умер.

Записи в других сочинениях библиографического характера повторяют сказанное в приведённой биографии.

Кроме биографии Гунавриддхи в «Собраниях сведений» мы обнаруживаем некоторые дополнительные данные. В цзюани 9 этого сочинения, в разделе «Предисловия к переводам сутр», имеется подраздел, в который входят две небольшие заметки, касающиеся «Сутры ста притч». Автором первой из них является некий Кан Фасуй, (никаких биографических сведений о нём не обнаружено), и озаглавлена она «Предисловие к сутре притч». В ней сказано следующее.

«Сутра притч (т.е. «Сутра ста притч») — это рассказы, содержащие в себе четыре вида средств-пояснений. Они были рассказаны по случаю Жулаем (Татхагатай) и разъясняют важнейшие поучения безбрежного Закона с помощью соотнесения их с обыденными вещами, которые потом относятся к определённым роду понятий, после чего совершается поворот к пониманию основ Закона. Так объясняются добро и зло, промахи и удачи, должное и воздаяние. Всё это нужно для пробуждения мыслей о том, как избежать трёх дорог греха. Сегодня на сто тысяч притч, сказанных Буддой, часто не записано даже одной, но в записанных его поучениях можно найти повторения притч, сказанных в разное время. Ныне эти истории заново собраны в одну книгу, составившую десять цзюаней. Все рассказы от начала до конца представлены в виде отдельных отрывков. Так легче воспринимать их, не испытывая в сердце сомнений. Хотелось бы, чтобы мудрые наставники обрели в этих рассказах средство, получив которое можно навеки подняться в дворцы счастья для заложения основ грядущего».

Кан Фа-суй, как можно видеть, не сомневается, что притчи, собранные в «Сутре ста притч», освящены авторитетом самого Будды. Во всяком случае, его слова свидетельствуют, сколь важно было место, занятое в то время интересующим нас произведением в буддийской проповеди. Что речь идет именно о «Сутре ста притч», ясно из следующей за предисловием заметки неизвестного автора, названной «Запись о переводе той же сутры» и относящейся явно к «Сутре ста притч», а не к какому-либо другому произведению этого рода.

«В десятый год под девизом Юн-мин, в девятую луну, десятый день (16 октября 492 г.), наставник в законе Гунавриддхи из Тяньчжу (Индии) перевёл притчи, выписанные из сутр по двенадцати разделам Хранилища сутр (Сутрапитаки) и собранные в одну книгу, состоящую из ста историй. Наставник из Тяньчжу Сангхасена собрал их и, распространяя учение Большой Колесницы (Махаяны) среди вновь вступивших на путь учения, составил и рассказывал эту сутру».

Все приведённые выше сведения позволяют нам в общих чертах представить историю создания разбираемого сочинения. Отобрал притчи и составил из них книгу наставник-индеец Сангхасена. Его ученик Гунавриддхи, прибывший в Китай в 479 г., перевёл её на китайский язык и записал в 492 г. Биография Гунавриддхи донесла до нас имя его учителя, о котором больше ничего не

известно. О Гунавриддхи сказано, что он был «из людей Центральной Индии», но не говорится, что он был рождён в Центральной Индии. Сходную пометку мы находим в биографиях многих других деятелей китайского буддизма. Так, о Кумарадживе тоже говорится, что он «из людей Тяньчжу (Индии)», но далее рассказывается о том, что он родился в Центральной Азии (Куча) и что деятельность его началась в этом районе.

Отметим ещё один факт из биографии Гунавриддхи. Согласно его жизнеописанию, он, будучи учеником Сангхасены, изучал также и другие учения, в частности прославился как знаток даосской магии и гаданий, в основу которых было положено понятие о противоположности инь и ян, тёмного и светлого начал вселенной. (На утверждении этой противоположности строилось учение позднего даосизма.) Нечто подобное мы находим в биографии Кумарадживы. Знакомство Гунавриддхи с даосизмом и даосской магией заставляет думать, что он с молодых лет был связан с китайскими традициями и что молодость его прошла не в Индии, а, по крайней мере, в Центральной Азии и, возможно, в областях, близких к Китаю. А если так, то он, видимо, мог знать короткие рассказы о чудесах, которые в китайской литературе в это время явились художественным отражением представлений позднего даосизма и его идей. Может быть даже, что наставник Сангхасена обучал его в тех же местах: переселение многих буддийских деятелей из Индии в Центральную Азию и Китай — новые центры буддизма — есть неоднократно засвидетельствованный в источниках исторический факт.

Наконец, названия «палат» в обители Чжэнгуань, основанной Гунавриддхи, а именно Шоугуан (палата Света долголетия) и Чжаньюнь (павильон Предсказаний по облакам) — названия, засвидетельствованные в «Жизнеописаниях», — явно даосского, а не буддийского характера. Они подтверждают тот факт, что и в Китае, став уже известным проповедником буддизма, Гунавриддхи по-прежнему оставался в известной степени связанным с даосской традицией.

Из трёх переводов, выполненных согласно биографическим сведениям Гунавриддхи, до нашего времени дошло два: «Сутра ста притч» и «Сутра о домохозяине Судатте». Что же касается третьего перевода — «Сутры о двенадцати видах судеб», — то он давно утерян. Есть другой, более древний перевод, сделанный в конце II или начале III в. Чжи Цянем. Этот перевод носит то же название и включается в современный свод китайской Трипитаки.

Причина столь ранней утраты одного из переводов Гунавриддхи, возможно, заключается в том, что он, обладая, как сказано в его биографии, «цепкой памятью», не все свои переводы записал. В течение тринадцати лет (с 479 г., когда он поселился в столице тогдашнего Китая Цзянье, до 492 г., когда был записан его перевод «Сутры ста притч») Гунавриддхи вёл устную проповедь. Это, в свою очередь, не могло не повлиять на его рассказы по части приспособления их к вкусам китайских слушателей. Рассказы «Сутры ста притч», как можно думать, все имели свой прототип в виде вставных притч в более ранних произведениях.

Несколько слов о названии сутры. Существует три варианта её китайского заглавия: основное, общеупотребительное — «Сутра ста притч», более развёрнутый вариант, переводимый так же «Сутра, где собрано сто притч». Который из трёх вариантов является первоначальным, у нас нет возможности установить. Важно, что все три варианта означают одно и то же. Не должно смущать то обстоятельство, что притч на самом деле 98. Можно, конечно, для получения точного числа добавить введение и заключение, обрамляющие сутру. Но в такой операции нет никакой надобности, ибо числа «сто», «тысяча», «десять тысяч» в китайском языке постоянно употребляются для приближенного, а не точного счета. Так, в «Книгу песен» (Ши-цзин) включено 305 песен, но называют её всегда «книгой из 300 песен».

Имеются попытки реконструировать первоначальное санскритское название сутры. Японские исследователи и переводчики сутры на японский язык Аканума Тидзэн и Нисио Миякоо возводят её название к санскритскому Урама-јатака. Отнесение же её к разряду авадан они считают результатом смешения в китайском переводе понятий урама (собственно «притча») и «авадана», которые одинаково переводятся как пиюй. Признавая правильность наблюдений Аканума и Нисио, отметим, однако, что они скорее указывают на два возможных прототипа китайского слова пиюй в переводах с санскрита, чем действительно реконструируют первоначальное название.

Нандзё пытался получить исходное заглавие сутры путем обратного перевода на санскрит: Satavadana-sutra.

Для нас представляются фактом, решающим вопрос, завершающие слова «Сутры ста притч», гласящие: «Конец «Гирлянды цветов глупости», созданной высокочтимым Сангхасеной». Аканума и Нисио замечают, что «автор ещё эту «Сутру ста притч» называет «Гирляндой цветов невероятной глупости». Но ни они, ни Нандзё не пытаются привлечь сказанное в этой фразе для реконструкции. Мы не берёмся произвести эту операцию, но заметим, что таковы обычные концовки индийских сочинений или их частей, в которые по стереотипу индийской литературы включается название сочинения или его части. Поэтому естественно было бы считать «Гирлянду цветов глупости» первоначальным названием разбираемого произведения, а заголовок «Сутра ста притч» полагать названием обработки, произведенной Гунавриддхи, причём этот обиходный заголовок по типу своему является китайским, а не индийским и приспособлен к вкусам и привычкам китайского читателя.

«Сутра ста притч» как памятник китайской повествовательной литературы

По своему составу «Сутра ста притч» отличается от всех остальных сочинений этого разряда своего рода упорядоченностью. В других сутрах притч есть сюжеты слабо оформленные или даже почти не оформленные, рыхлые по своей фактуре вроде приводившейся выше притчи о перерождении и встрече после нового рождения двух братьев-шраманов. Объясняется это тем, что первоначально притчи в буддийских сочинениях самостоятельного значения не имели, а были вкраплениями в более обширное повествование. В «Сутре ста притч» все притчи носят ярко выраженный анекдотический или юмористический характер и каждая из них представляет собой законченный односюжетный рассказ. Строятся они в большинстве своем по одному типу, и в них обычно легко выделяются звенья: завязка, поворот темы и развязка.

Вторым нововведением «Сутры ста притч» было её необычное для сборников коротких рассказов того времени, занявших, как мы уже говорили, видное положение в литературе эпохи Лю-чао, тематическое единство. Другие сборники буддийских притч, а также и собрания китайских коротких рассказов лишены объединяющей темы и составлены скорее по принципу отбора сюжетных повествований вообще. Если же с этой точки зрения взглянуть на «Сутру ста притч», то в ней решительно преобладают — рассказы о глупцах. В сорока одной притче герои их прямо названы глупцами — и их поступки такой характеристике вполне соответствуют. Ещё в шести случаях ведущие персонажи, поименованные «некими людьми» или «кем-то», совершают глупейшие поступки, и от замены этих слов на «глупцы» ничего не изменилось бы в сути рассказа. В остальных рассказах и притчах действуют брахманы, купцы, правители, женщины, воры и разбойники, придворные, лекари, отшельники и их ученики, супружеские пары — вплоть до различных животных (лиса, обезьяна, голуби). И все персонажи совершают глупые поступки, не согласующиеся с тем, что полагается делать в таких случаях, и приводящие к нелепым, смехотворным результатам. Только немногие притчи (мы насчитали таких притч три) стоят несколько особняком.

Единство содержания книги укрепляет нашу уверенность в том, что первоначальным названием сочинения, получившего в Китае название «Сутра ста притч», было «Гирлянда цветов глупости», как это сказано в заключительной её фразе.

Сангхасена и Гунавриддхи не были бы буддийскими проповедниками и «Сутра ста притч» не была бы сутрой, если бы в книге были только рассказы о нелепостях и глупости, без буддийской дидактики.

В биографии Гунавриддхи в «Собрании сведений» говорится о нём как о весьма популярном буддийском проповеднике. В «Каталоге годов Кай-юань» добавлена фраза, свидетельствующая, что его проповеди приносили его обители не только моральное удовлетворение, но и реальный доход. «Любил он копить ценности, — говорится там, — но не для себя, а для утверждения служения Закону Будды». Деятельность его, таким образом, направлена была на распространение буддизма и укрепление позиций этого учения.

«Сутра ста притч» предстает перед нами в обычном для сутр оформлении. Если мы возьмем любую сутру, не являющуюся апокрифической, а также значительную часть апокрифических сутр, то увидим, что начало каждой из них стандартно. Схема вводных частей такова: «Вот что я слышал (или в другом переводе: именно так я слышал). Однажды Будда находился в таком-то месте вместе с такими-то (следует перечисление людей, небожителей, демонов и других персонажей, собравшихся перед Буддой)». Такое начало является законом построения каждого произведения, якобы сказанного (или действительно сказанного) Буддой и потом записанного согласно традиции со слов того или иного ученика, запомнившего рассказ Будды. Введение этого рода носит название «шесть точных сведений», каковые заключаются в следующем.

Указание на то, что это подлинные слова Будды (слова: «вот что я слышал» или «именно так я слышал»).

Сообщение о том, кто это слышал и с чьих слов записана впоследствии сутра (слово «я», по традиции в связи с сутрами соотносимое, как правило, с любимым учеником Будды — Анандой, который везде следовал за учителем, обладал отличной памятью. Предание считает, что он слово в слово повторил проповеди Будды, другие записали вслед за ним. И так были составлены сутры). Упоминание о времени рассказа Будды («однажды»).

Указание на рассказчика («Будда»).

Описание места, где рассказывалась сутра («находился в...») — и далее следует название города, чаще всего Вайшали или Раджагриха, и сада, дворца и т.п. в городе или возле него).

Перечисление слушателей (более или менее обширный список тех, кто пришёл на собор).

После «шести точных сведений» следует вопрос или серия вопросов, обращённых кем-нибудь из слушателей к Будде, и ответ или серия ответов Будды. Завершаются вопросы и ответы переходом к тексту собственно сутры, предваряемой словами Будды: «Если вы желаете глубже постигнуть смысл мною сказанного, то послушайте сутру под таким-то названием». Тем самым вступление как бы удостоверяет, что мы имеем дело с подлинным рассказом Будды.

Про «Сутру ста притч» известно — как из биографии Гунавриддхи, так и из заключительной фразы самой сутры («...созданная высокочтимым Сангхасеной»), — что традиция вовсе не приписывает составление произведения Будде и совсем не утверждает, будто Будда Шакьямуни когда-нибудь или где-нибудь рассказывал её в сводном виде. И всё-таки мы обнаруживаем в этом собрании притч вступление, полностью аналогичное тем, которые бытуют в канонических сутрах:

«Вот что я слышал. Однажды Будда находился в городе Жилище Правителя, в бамбуковой роще Цяофэн, вместе с великими бхикшу, бодхисаттвами-махасаттвами и с восемью видами небожителей и драконов, — всего было тридцать шесть тысяч человек».

Потом следует серия вопросов пятисот брахмачаринов — последователей «внешних учений». Ответив весьма кратко на эти вопросы и подведя слушателей своими ответами к понятию нирваны, Будда делает их своими последователями. Потом Будда заявляет:

— Слушайте внимательно. Сейчас я вам подробно изложу все притчи.

Примечательно, что вступление к «Сутре ста притч» находится в полном противоречии с тем, что мы знаем о действительной истории этой книги. Почему это случилось? Мы полагаем, что первоначально в сборнике Сангхасены такого вступления не было. Он, как видно из заключительных стихов и завершающей фразы, своей роли автора-составителя и не скрывал. Нелишне будет также обратить внимание на отсутствие подобных вступлений в остальных сборниках притч, имеющих, как мы знаем, иную творческую историю. Однако в процессе рассказывания сутры Гунавриддхи, как можно думать, должен был свидетельствовать перед слушателями истинность высказываемых им сентенций — хотя бы утверждением, что всё рассказываемое берёт начало в подлинной проповеди Будды. Но при внимательном прочтении вопросов и ответов можно обнаружить во вступлении, в заключительных репликах Будды сходство с одним очень известным отрывком из знаменитого даосского сочинения Чжуан-Цзы. Брахмачарины возражают Будде, что раз он ещё не в нирване, то он и не может утверждать что-либо о нирване. Будда напоминает им, что они тоже ещё не испытали смерти, но знают, что смерть — это страдание. Этот ответ оказывается решающим в обращении брахмачаринов на путь

истинный. Для сравнения приведём соответствующее место из Чжуан-Цзы (конец главы семнадцатой).

Однажды Чжуан Цзы вместе с Хуэй Цзы прогуливался по мосту над рекой Хао. Чжуан цзы сказал:

— Рыбы выплыли, чтобы порезвиться на свободе, и этому рыбы радуются.

Хуэй цзы возразил:

— Но ведь вы — не рыба. Откуда же вы знаете, чему рады рыбы?

На это Чжуан цзы ответил:

— Но ведь вы — не я. Откуда же вы знаете, что я не знаю, чему рады рыбы?

Такое совпадение приёма вряд ли случайно, особенно если вспомнить, что Гунавриддхи, согласно данным его биографии, занимался в молодости даосской практикой и, следовательно, должен был знать Чжуан-Цзы — одно из основных произведений даосского толка. Можно также показать, что и последовательность вопросов, которые брахмачарины в «Сутре ста притч» задают Будде, и сама их тематика, и ответы Будды — всё это ближе к китайской традиции, чем к проповедям Будды, как они излагаются в сутрах махаянской школы.

В истории буддийской литературы в Китае мы знаем целую серию произведений, которые составлены внутри страны, переводами не являются и рассчитаны на вкусы и требования китайского слушателя или читателя. Цель таких сочинений — сообщить, как относится буддизм к тем понятиям, которые в буддийском каноне не рассматриваются, но в жизни Китая чрезвычайно важны. Одним из таких понятий является сыновняя почтительность. Несмотря на местное происхождение, подобные произведения оформлены как сутры и сказанное в них приписывается Будде. По-китайски они именуется «поддельными» или «сомнительными» сутрами, в европейской же науке их обычно называют «апокрифами» или «апокрифическими сутрами». В неоднократно цитированном «Каталоге годов Кай-юань» имеется специальный раздел, посвящённый «поддельным сутрам». Значит, в VIII в. факт апокрифичности ряда сутр был ясно осознан, и неудивительно, ибо большинство из апокрифов танского времени, появившихся в этот период в массовом количестве, преподносят смесь вульгаризированного буддизма и традиционных китайских представлений. До периода Тан дело обстоит сложнее. В ранних дотанских каталогах нет специального раздела «поддельных сутр». Это не значит, что апокрифов в то время ещё не было. Однако, во-первых, само понятие апокрифа ещё не осознано и выделения апокрифов как особого течения китайской литературы в буддизме ещё не произошло; во-вторых, само выделение для исследователя связано с большими трудностями, так как апокрифичность произведений, которые можно отнести к этому разряду, не столь очевидна, как в танский период. Поэтому каждый раз, когда есть подозрение на апокрифичность, произведение приходится тщательно анализировать. Признаки, которые удалось выявить при рассмотрении особенностей «Сутры ста притч», позволяют уверенно отнести её к числу апокрифов, оформившихся весьма рано.

Л. Н. Меньшиков (в сокращениях) (56)

Больные глаза

Больные ноги наставника

Будда и Брахмачарины

В костюме беса

Верблюды на башне

Верблюды, кувшин и их хозяин

Верблюжья шкура

Вкусная вода

Вкусные пилюли
Воровство раскалённого золота
Воровство риса
Встреча с медведем
Выгодный брат
Гибель стада коров
Главное желание
Глупец и соль
Гнев обезьяны
Голубь и голубка
Дар проникновения
Два недостатка
Два смельчака
Делёж награбленного
Делёж наследства
Дерево с прекрасными плодами
Долг в полмонеты
Долгожданная вода
Дочь правителя
Жареный кунжут
Зеркало в дорогом ларце
Знавший все правила
Значение слова «мани»
Золотая куница
Золото над водоёмом
Короб, посох и башмак
Коровье молоко
Кража быка
Кровь сына в жертву
Лекарь и горбатый человек
Лечение рубцов
Лысый человек
Маленький мальчик и большая черепаха
Медовый сироп
Мешок золотых монет
Мёртвая жена
Молоко осла
Моргающий глазами
Мясо фазана
Наблюдение за изготовлением кувшинов
Надкушенные плоды
Нападение разбойника
Незначительное состояние
Новые живые существа
Обещанная плата за музыку
Обёртка из парчи
Обточка большого камня
Огонь и холодная вода
Осёл и посуда
Отметка на воде
Отцовская добропорядочность
Оштукатуривание стен
Пастух и хитрец
Подражание кряканию уток
Покалеченный самим собой
Пол-лепёшки
Поливка сахарного тростника

Посевная
Поспешность сына
Потеря зрения
Похороны двух сыновей
Пригоршня гороха
Принесение в жертву проводника
Притворившийся умытым
Пятьсот пилюль
Разбитая голова
Скамейки для правителя
Слуга и ворота
Служанка пяти хозяев
Смена носа
Смерть сына
Снадобье для взросления
Содранное мясо
Сожжение грубой одежды
Сожжённое орлиное дерево
Солнечное затмение
Спор о волоске
Способ употребления лекарства
Страшное заклинание
Требую «ничего»!
Трёхэтажная постройка
Три лепёшки
Убийство ребёнка
Удар по зубам
Удержание медведя
Украденное платье
Утоление жажды
Хвост и голова змеи
Чёрная лошадь с белым хвостом
Чужеземный обычай
Шакал и ветка дерева

Больные глаза

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Жила некогда женщина. У неё очень болели глаза.

Как-то знакомая этой женщины спросила:

— У тебя глаза не болят?

Женщина ответила:

— Болят!

Та, другая женщина продолжала:

— Если есть глаза, они обязательно заболят. У меня пока ещё не болят, но всё равно я собираюсь их удалить — боюсь, потом заболят.

Окружающие сказали:

— Если глаза есть, то иногда они болят. Но если их удалить, то болеть будет всю жизнь.

Все глупцы в мире действуют так же. Они слышат, что богатство и знатность есть начало всякого страдания и упадка, и боятся, что если не будут раздавать милостыню, то потом расплатятся за это. Они со страхом думают, что, чем больше состояние, тем сильнее будут тревожнения.

Кто-то им сказал:

— Если вы будете раздавать милостыню, то будете либо страдать, либо радоваться. Если же не будете раздавать милостыню, то будете пребывать в бедности и терпеть большие страдания.

Это можно сравнить с тем, что произошло с той женщиной: не в состоянии вынести одной мысли о возможной боли, она собиралась лишиться себя глаз и тем обречь на вечную боль.

Больные ноги наставника

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

У некоего наставника было два ученика. Этот наставник страдал какой-то болезнью ног. Он поручил своим ученикам, чтобы они поочередно растирали ему каждый по одной ноге.

Между учениками была постоянная вражда. Когда один из учеников ушёл, другой схватил ту ногу наставника, которую должен был растирать ушедший, и расшиб её о камень. Когда тот, первый, что уходил, возвратился, он очень рассвирепел. В свою очередь, он схватил ногу, которую растирал второй, и тоже побил её.

С последователями Закона Будды иногда происходит то же. Те, кто придерживается направления Большой Колесницы (Махаяны), рекомендуя заботиться о собственном спасении самим, отвергают Малую Колесницу (Хинаяну), учащую о Бодхисаттвах, которые помогают спастись всем. Приверженцы же Малой Колесницы отвергают направление Фандэн (Большая Колесница). Это приводит к тому, что гибнут оба пути Закона Великого мудреца.

Будда и Брахмачарины

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Однажды Будда находился в столичном городе Правителя Индии, в одном из главных мест, с которым соотносят проповедь Будды, в бамбуковой роще Цяофэн, вместе с великими бхикшу (буддийскими монахами), бодхисаттвами-махасаттвами (буддами, не пожелавшими погрузиться в нирвану) и с восемью видами небожителей и драконов — всего было тридцать шесть тысяч человек.

Было тогда среди собравшихся пятьсот брахмачаринов (людей принимающих обеты), которые исповедовали иные учения. Они поднялись со своих мест и, обращаясь к Будде, сказали:

— Мы слышали, что учение Будды обширно и глубоко, что никто не может его постичь, поэтому мы и пришли покорнейше просить, чтобы ты только разъяснил нам его.

Будда сказал:

— Очень хорошо.

Брахмачарины спросили:

— Мир есть нечто или ничто?

Будда ответил:

— И нечто, и ничто.

Брахмачарины спросили:

— Если он нечто, то как же ты говоришь, что он ничто? А если он ничто, то как же ты говоришь, что он нечто?

Будда ответил:

— Живущий скажет нечто; умерший скажет ничто. Поэтому я и говорю и нечто, и ничто.

Брахмачарины спросили:

— Из чего рождаются люди?

Будда ответил:

— Люди рождаются из зерна.

Брахмачарины спросили:

— Из чего возникли пять зёрен?

Будда ответил:

— Пять зёрен возникли из огня и ветра, что из четырёх великих стихий.

Брахмачарины спросили:

— А откуда взялись огонь и ветер, что из четырёх великих стихий?

Будда ответил:

— Огонь и ветер из четырёх великих стихий возникли из отсутствия чего бы то ни было.

Брахмачарины спросили:

— А откуда взялось отсутствие чего бы то ни было?

Будда ответил:

— Из отсутствия чего бы то ни было.

Брахмачарины спросили:

— Из чего же возникло отсутствие чего бы то ни было?

Будда ответил:

— Оно возникло из собственной сущности.

Брахмачарины спросили:

— А собственная сущность откуда взялась?

Будда ответил:

— Из нирваны.

Брахмачарины спросили:

— А откуда взялась нирвана?

Будда сказал:

— То, о чём вы сейчас спрашиваете, настолько глубокие вещи! Нирвана — это дхарма (сущность, закон), которая не рождается и не умирает.

Брахмачарины спросили:

— А ты, Будда, это нирвана или ещё нет?

Будда ответил:

— Ещё не нирвана.

А если это ещё не нирвана, то откуда тебе известно о вечном блаженстве нирваны?

Будда сказал:

— Сейчас я спрошу у вас: Все живые существа пребывают в радости или в страданиях?

Брахмачарины ответили:

— Все живые существа пребывают в невероятных страданиях.

Будда сказал:

— Почему вы называете это страданиями?

Брахмачарины отвечали:

— Мы видим, что, когда наступает смерть, все живые существа претерпевают невыносимые муки, поэтому мы знаем, что смерть — это страдание.

Будда сказал:

— Хотя вы сейчас не умираете, вы всё же знаете, что смерть мучительна. Я же вижу, что все будды десяти сторон не рождаются и не умирают, поэтому я знаю, что нирвана — это вечная радость.

У всех пятисот брахмачаринов сердца раскрылись, разум сбросил путы. Они возжелали дать обет о соблюдении пяти запретов: не убивать, не красть, не прелюбодействовать, не лгать, не пить вина. Они постигли плоды сротапанны (первой из четырёх ступеней святости) и снова уселись как прежде.

В костюме беса

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Некогда в одном государстве существовала труппа комедиантов. Так как в это время случился неурожай и голод, то они отправились в поисках пропитания в чужие края.

Они шли через горы. А в этих горах издавна водились злые демоны-ракшасы, пожиравшие людей. Случилось так, что комедианты заночевали в этих горах. В горах дул холодный ветер; они развели огонь и уснули. Одному из комедиантов стало холодно. Он оделся в наряд беса-ракшасы и сел к огню.

В это время кто-то из его спутников проснулся и увидел, что у огня появился ракшаса. Не разглядев как следует, он кинулся прочь и убежал. Вслед за ним всполошились и другие, и вся компания пустилась наутёк.

Тогда тот из комедиантов, что был одет в платье ракшасы, тоже бросился бежать и мчался без оглядки. А его попутчики, видя, что он бежит за ними, решили, что он собирается причинить им зло, и страх их удвоился. Они перебирались через горы и реки, падали в канавы. Тела их были изранены, они устали и выбились из сил.

Только с наступлением следующего дня они поняли, что это не бес.

Все жители бренного мира поступают так же. Пребывая в голоде и треволнениях, они по закону добра стремятся когда-нибудь обрести вечное блаженство и очищение от собственного «я» — пищу непревзойдённого Закона. Однако, пребывая в состоянии пяти составляющих (свойства, ощущения, восприятия, склонности, мысли), слишком уповают на собственное «я». Из-за отношения к реальности собственного «я» (Будда говорил что свое «я» иллюзорно и временно) они носятся в круговороте жизни и смерти. Гонимые треволнениями, они не могут достичь собственной независимости. Они попадают на дорогу трёх зол, оказываются в канаве. Наступление рассвета — это намёк на окончание ночи круговорота жизни и смерти. Наступает просветление мудростью, и только тогда становится понятно, что в пяти составляющих нет истинного «я», которое достигается лишь в Нирване и является отрицанием и уничтожением собственного «я».

Верблюд на башне

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Жил некогда человек в бедности и нужде. Многие дни и месяцы он работал на правителя. Исхудал и ослабел. Увидел это правитель, стало ему жалко бедняка, и он подарил ему дохлого верблюда.

Взял бедняк подарок и тут же стал сдирать шкуру. Да нож оказался тупым, и стал он искать камень, чтобы наточить нож. Вот на башне нашёл он точильный камень. Поточил нож, спустился вниз, снова стал сдирать шкуру.

И так много раз он взбирался наверх: поточит нож и спускается. Через некоторое время он так устал от подъёмов и спусков, что уже не мог подниматься наверх. Тогда он связал верблюда, поднял его на башню и подтащил к точильному камню.

Всеми людьми этот человек был осмеян.

То же происходит с глупцами. Они нарушают обеты, накапливают большое состояние и на этом строят своё счастье. И ещё надеются обрести рождение на небесах.

Точно как с тем, кто связанного верблюда втащил на башню к точильному камню: усилием затратил много, а достигнутый результат ничтожен.

Верблюд, кувшин и их хозяин

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Какой-то человек когда-то давно наполнил зерном кувшин. Его верблюд засунул голову в кувшин и стал есть зерно, а потом не мог вытащить голову обратно. Когда человек увидел, что верблюду не вытащить головы, он встревожился.

Тут явился какой-то старец и сказал:

— Ты не печалься, я научу тебя, как её вытащить. Ты следуй моему совету, тогда сразу вытащишь. Отруби голову, и она сама оттуда вывалится.

Следуя этому совету, человек ножом отсёк голову. Этим он и верблюда убил, и кувшин расколол.

Подобно этому глупцу, который всеми был осмеян, поступают и неразумные миряне. Они всей душой жаждут бодхи (просветления), стремятся обрести все Три Колесницы (три направления в буддизме). Для этого им нужно соблюдать запреты, преграждая доступ всякому злу. Однако пятью желаниями они разрушают заповедь о чистоте. А стоит лишь нарушить заповеди, как они тут же покидают Три Колесницы, предаются крайней степени распущенности. И нет того зла, которого бы они не совершили. Всё оказывается заброшенным: и Колесницы, и заповеди о чистоте.

Происходит то же, что с глупцом, который лишился и верблюда и кувшина.

Верблюжья шкура

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Купцы отправились торговать. Случилось, что в дороге у них издох верблюд. Среди поклажи, которой был нагружен верблюд, было много драгоценностей, превосходные ковры из тончайшей шерсти и разные другие, вещи.

Как только верблюд издох, с него содрали шкуру. Главный купец ушёл, оставив двух помощников, которым он сказал:

— Присматривайте хорошенько за верблюжьей шкурой, не дайте ей намокнуть и сгнить.

Через какое-то время после его ухода пошёл дождь. Оставшиеся двое по глупости прикрыли верблюжью шкуру дорогими коврами, и все ковры сгнили. А разве можно сравнить по ценности ковёр и шкуру? Только глупцы могли шкуру укрыть ковром.

Люди в мире тоже поступают так. Чистому ковру уподобим их запрет «не убий»; верблюжья шкура — намёк на богатство. Дождь намочил и сгноил — намёк на то, что распущенность разрушает добрые поступки.

Запрет «не убий» — это непревзойдённое основание тела Закона Будды (у каждого будды есть три тела), без которого люди не могли бы совершенствоваться. Богатство же люди используют для строительства храмов и подношений монахам. Хватаясь за верхушки, они пренебрегают корнями и не стремятся достичь первоосновы. Они носятся по волнам пяти дорог перерождений и не могут освободиться от них. Вот почему послушник должен, очистив своё сердце, соблюдать запрет «не убий».

Вкусная вода

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Некогда в одной деревне — она находилась в пяти йоджанах (мера длины) от города, где жил правитель, — была очень вкусная вода. Правитель приказал жителям деревни ежедневно доставлять ему эту вкусную воду. Жители деревни очень страдали от этого, и все решили переселиться, чтобы быть подальше от этих мест.

Староста же деревни обратился к ним со словами:

— Не уходите из деревни, я от вашего лица поговорю с правителем, пусть он из пяти йоджан сделает три, тогда вам будет ближе ходить, и вы не будете так уставать. Тут же староста отправился разговаривать с правителем. Правитель для их удобства превратил пять йоджан в три.

Услышав об этом, люди очень обрадовались. Нашелся один, который сказал:

— Они как были, так и остались пятью йоджанами — ничего не изменилось.

Люди хотя и слышали это, но так уверовали в слова правителя, что уже не захотели покидать свою деревню.

Так и с людьми в мире. Совершенствуя своё поведение в соответствии с истинным Законом, они проходят пять дорог (перевоплощения в низшие и высшие существа) на пути к городу Нирваны. Тут у них появляется усталость, и тогда они хотят всё бросить, от всего отказаться. Находясь в колеснице жизни и смерти, они не могут больше двигаться вперёд. Но властитель Закона Жулай (Будда) располагает превосходным способом: Закон одной Колесницы он поделил и истолковал как три (три направления в буддизме — Три Колесницы).

Приверженцы Малой Колесницы (одного из главных направлений в буддизме), услышав это, обрадовались. Они решили, что им будет легко в поступках: они будут практиковать добро, продвигаться в благостях, стремясь к прекращению круговорота жизни и смерти. Потом они от кого-то услышали, что нет Трёх Колесниц, а есть по-прежнему один Путь. Но, поверив словам Будды, они уже не желают покидать избранную дорогу.

Они поступают точно так, как жители той деревни.

Вкусные пилюли

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Как-то раз одна кормилица шла по дороге с ребёнком на руках. Она очень устала в пути и незаметно для себя уснула.

В это время какой-то человек дал ребёнку живительные пилюли. Получив пилюли, мальчик жадно набросился на них, потому что они были очень вкусные. Он и не думал о вещах, которые были на нём.

Тем временем человек, который дал пилюли, снял с него подвески, ожерелье, одежду и всё унёс.

Монахи поступают так же. В суете они радуются малой выгоде. А в это время разбойники-треволнения лишают их благостных заслуг и драгоценного ожерелья обетов.

Происходит то же, что с тем мальчиком: из-за того, что он позарился на малое — вкус, вор унёс всё, что у него было.

Воровство раскалённого золота

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Некогда два торговца вместе отправились торговать. Один из них продавал чистое золото, а второй — материю из хлопка.

Какой-то человек, пожелавший купить золото, проверял его в огне. Тут-то другой торговец украл раскалённое золото и завернул его в материю из хлопка. Так как золото было раскалено, то оно прожгло всю материю, и проделка вора немедленно выплыла наружу.

Он лишился и золота и материи.

Это можно уподобить тому еретику, который по-воровски выдаёт Закон Будды за своё собственное учение, лживо заявляя, что оно принадлежит ему и что это вовсе не Закон Будды. Но этим же он и уничтожает еретический канон, и последний не получает распространения.

Точь-в-точь как с тем, кто украл золото: всем стала ясна его афёра.

Воровство риса

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Некогда один человек пришёл к родственникам жены и увидел, что там толкут рис. Он подошёл и, украдкой схватив рису, затолкал в рот. Тут вошла жена, увидела мужа и захотела с ним поговорить. Но у того был полный рот риса, и он не мог ей отвечать. Ему стало стыдно перед женой: он не мог просто выплюнуть рис, но и говорить он тоже не мог. Жена удивилась, что он не разговаривает, и, ощупав рукой щёку, решила, что у него во рту опухоль. Она сказала своему отцу:

— Только что пришёл мой муж — у него вдруг распухло во рту. Он совсем не может разговаривать.

Отец жены немедленно вызвал лекаря, чтобы тот полечил зятя. Лекарь сказал:

— Заболевание серьёзное. Вылечить его можно, только вскрыв опухоль ножом.

И тут же рассёк ножом щёку. Изо рта вывалился рис, и сразу всё стало ясно.

Люди в мире поступают так же. Они совершают различные дурные поступки, преступают обет соблюдения чистоты, скрывают свои прегрешения, не желая, чтобы они обнаружили. Они попадают в подземную тюрьму для грешных душ, перерождаются в животных и голодных духов.

Они уподобляются тому глупцу, что стыдился выплюнуть рис, а позволил рассечь ножом щёку, после чего обнаружился его проступок.

Встреча с медведем

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Некогда жили-были отец и сын. Как-то пошли они гулять вместе с целой компанией. Сын зашёл в лес, и там его искусал медведь. Его тело было изувечено медвежьими когтями.

Сильно измученный, он с трудом выбрался из лесу. Когда он вернулся к своим спутникам, отец увидел, что тело сына изранено, и удивлённо спросил:

— Отчего это у тебя кругом раны?

Сын ответил отцу:

— Какое-то существо — туловище покрыто шерстью, большие уши в длинных волосах — вышло и покалечило меня.

Отец с луком и стрелами отправился в лес. Он увидел отшельника с длинными волосами и хотел было убить его. Окружающие сказали:

— Зачем тебе его убивать? Он не причинял никакого зла. Ты должен отступить от своего намерения.

Глупцы в мире поступают так же. Подвергшись поношению со стороны тех, кто лишь рядится в одежду Закона, но не идёт по истинному Пути, они причиняют вред людям совершенным, обладающим добродетелями.

Их можно сравнить с отцом, сына которого искусал медведь, а он хотел незаслуженно покарать святого отшельника.

Выгодный брат

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Жил-был человек, красивый собой, исполненный мудрости. К тому же владел большим богатством. Все без исключения восхищались им.

Живший в те же времена дурак, видя такое, сказал:

— Он приходится мне братом. А раз так, то при случае я могу воспользоваться его богатством. Ведь для этого я и назвал его братом.

Но вот дурак увидел, что тот же человек возвращает долги, тогда он сказал:

— Никакой он мне не брат.

Окружающие сказали:

— Да ты просто дурак: когда тебе нужны были его деньги, ты называл его своим братом; когда же оказалось, что у него долги, ты утверждаешь, что он тебе вовсе не брат.

Дурак им отвечал:

— Я называл его братом, когда хотел воспользоваться его богатством. На самом же деле никакой он мне не брат. А раз у него долги, то я и говорю, что он мне не брат.

Все до единого осмеяли его, услышав такой ответ.

Подобное было и с тем еретиком: услышав слова Будды о добре, он присвоил их и выдавал за свои. Когда же окружающие хотели, чтобы он совершенствовал свои поступки, он не пожелал их совершенствовать, заявляя:

— Слова Будды о наставлении на Путь всего сущего я присвоил в расчёте на выгоду, а не ради истинных деяний. Зачем же мне совершенствовать свои поступки?

Точно так же как с тем дураком: для того чтобы воспользоваться богатством, он называл братом чужого человека. Но стоило лишь этому человеку оказаться в долгах, как дурак сказал: «Никакой он мне не брат». Так же поступил и этот еретик.

Гибель стада коров

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Когда-то у одного человека было двести пятьдесят коров. Всякий раз он пригонял их на заливные луга, где они обычно паслись.

Однажды тигр заел одну корову, и тогда владелец коров подумал: «Раз уж одной коровы нет и, стало быть, стадо не полное, на что мне оставшиеся коровы?»

Тут он пригнал стадо к крутому обрыву у высокой скалы и столкнул вниз. Так всех до единой коровы он уничтожил.

Глупцы, живущие в мире, поступают таким же образом. Берутся соблюдать все запреты Будды Татхагаты. Но если уж нарушат один, то, вместо того чтобы устыдиться и проникнуться очищающим раскаянием, они начинают рассуждать так:

— Один запрет я уже нарушил. А раз не смог соблюсти их полностью, то не к чему вообще соблюдать.

И нарушают запреты — все до единого. Точь-в-точь как тот глупец, который уничтожил стадо коров.

Главное желание

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Жил-был когда-то правитель, и был у него один любимец. На поле сражения он, рискуя жизнью, спас правителя, и тот остался цел и невредим.

На радостях правитель пообещал ему всё, чего он пожелает. И тут же спросил:

— Чего бы тебе хотелось? Я готов удовлетворить любое твоё желание.

Подданный сказал:

— Когда правителю понадобится брить бороду, пусть позволит мне побрить его.

— Если это отвечает твоему желанию, — сказал правитель, — пусть будет так, как ты хочешь.

Такого глупца современники осмеяли. Он мог добиться всего: получить в управление половину государства, стать большим сановником или приближённым советником. А попросил какую-то ерунду.

Глупцы поступают так же. Все будды в течение бесчисленных калп (больших периодов времени) с помощью тяжких трудов и страданий достигали состояния Будды. А чтобы встретить Будду и найти завещанный Закон (Учение Будды) — такое в человеческом облике чрезвычайно трудно испытать. Но вот всё-таки случилось так, что они встретились, и оказалось, что их желания

ничтожны. Они соблюдают малый обет, считая, что этого достаточно. Они совсем не стремятся к сокровенному непревзойдённому закону нирваны. У них и в мыслях нет стремления обрести его. В своём поведении они допускают неверные поступки и остаются довольны ими.

Глупец и соль

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Однажды глупец попал в дом какого-то человека. Хозяин стал потчевать его. Но еда была пресной и безвкусной. Поняв это, хозяин добавил соли. Когда соли стало по вкусу, глупец про себя подумал: «Значит, всё дело в соли. Если от одной щепотки стало так вкусно, каково же будет, если положить побольше!»

Дурак есть дурак: он тут же принялся есть одну соль. Проглотил и, вместо того чтобы усладить вкус, напротив, заставил его страдать.

Это похоже на то, что было с тем еретиком: услышав, что воздержанием в пище и напитках можно достичь истины, он вовсе перестал есть. Прошло то ли семь, то ли пятнадцать дней, он лишь напрасно морил себя голодом, нисколько не приблизившись к истине.

То же и с нашим глупцом: полагая, что вкус зависит от соли, он стал есть одну соль, добиваясь приятных ощущений во рту.

Что один, то и другой.

Гнев обезьяны

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Однажды какой-то взрослый человек избил обезьяну.

Она же не знала, на кого ей излить свой гнев, и, в свою очередь, обидела малыша.

Так же поступают и все глупцы в мире. Люди, на которых они когда-то злились, постоянно уходили, их сменяли другие, а те превращались в ничто и оставались в прошлом.

Основываясь на законе, что послерождённые являются продолжением чего-то ушедшего, глупцы, принимая их за прежних, гневаются на них и ненавидят их ещё больше без всяких на то оснований.

Они очень похожи на глупую обезьяну, которую избил взрослый, а она перенесла свой гнев на ребёнка.

Голубь и голубка

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Некогда голубь и голубка вместе свили гнездо. Осенью, когда созрели плоды, они наполнили ими гнездо. Через какое-то время плоды высохли, их стало меньше, всего полгнезда.

Голубь с гневом обратился к голубке:

— Собирая плоды, мы оба усердно трудились, а ешь их ты одна, и осталось уже только полгнезда.

— Я вовсе их не ем, — ответила голубка, — просто сами плоды становятся меньше.

Голубь не поверил этому и сказал рассерженно:

— Если бы только ты их не поедала, как бы их могло стать меньше!

И он тут же заклевал голубку.

Не прошло и нескольких дней, как пошёл сильный дождь, плоды набухли, и их стало столько, сколько было поначалу. Когда голубь увидел это, у него сразу возникло чувство раскаяния:

— Она действительно не ела их, а я так безрассудно убил её!

И он стал скорбно ворковать и звать голубку:

— Куда же ты ушла?

Люди, живущие в мире, поступают таким же образом. В мыслях они всё ставят с ног на голову. Безрассудно принимая плотские наслаждения, они не думают, что всё это непостоянно. Они преступают строгие запреты, а раскаяние приходит поздно. Упущенного не наверстать. Потом остаётся лишь тяжело вздыхать.

Это можно уподобить глупому голубю.

Дар проникновения

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Некогда один человек отправился в горы изучать истинный Путь и стал святым, наделённым даром пяти проникновений. Небесным оком (даром предвидения) он видел всё насквозь. Он мог видеть, например, все клады и сокровища, спрятанные в земле.

Правитель государства услышал об этом, очень обрадовался в душе и сказал сановникам:

— Как добиться того, чтобы этот человек постоянно жил в моём государстве и не покидал бы его никогда? Ведь таким образом моя сокровищница наполнилась бы богатствами.

Нашёлся один глупый сановник, который пошёл и выколол мудрецу оба глаза, затем принёс их правителю и сказал:

— Я выколол ему глаза, и потому он уже не сможет уйти, и вынужден всегда жить в Вашем государстве.

— Ведь я стремился удержать мудреца, — сказал правитель, — именно из-за его способности видеть все богатства, спрятанные в земле. И вот теперь ты лишил его глаз. Как же он сможет мне служить?

Так же поступают и люди в мире. Они видят, что некто во имя дхуты (очищения от скверны) терпит страдания: в горах, в лесах, в пустынных местах, на кладбище, под деревом: практикуется в четырёх вещах — усердствует в искоренении существующего зла, усердствует, чтобы не родилось ещё не рождённое зло, усердствует во имя рождения ещё не родившегося добра и усердствует во имя умножения существующего добра; а так же практикуется в созерцании нечистого. Тогда, предвосхищая будущее, люди из мира несут в его дом различные подношения. Таким образом, они разрушают накопленное им добро, так что тот не может достичь результата Пути. Погибает

око, созерцающее истинный Путь. И сразу пропадает польза от святого, и уже ничего от него не получишь.

Люди из мира подобны глупому сановнику, который зря только лишил глаз того мудреца.

Два недостатка

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

В давно прошедшие времена какой-то человек с восторгом рассказывал собравшимся в одном доме людям о том, сколь восхитительно добропорядочное поведение некоего незнакомца. Последний имеет лишь два недостатка: во-первых, он легко впадает в ярость, во-вторых, он чрезмерно поспешен в действиях.

Как раз в это время человек, о котором шла речь, проходил мимо и услышал разговор. Он рассвирепел, ворвался в дом, схватил человека, говорившего о его пороках, и дал ему пощечину. Окружающие спросили:

— За что же ты его бьёшь?

В ответ они услышали:

— Когда это я легко впадал в ярость и был поспешен в действиях! А этот человек говорит, что я легко впадаю в ярость и допускаю поспешные поступки. За эти слова я его и ударил.

— Вот и сейчас своим поведением ты доказал, что легко впадаешь в ярость и очень поспешен в действиях, — заметили окружающие. — Как ты ещё можешь это отрицать! Едва только человек обмолвился о твоих недостатках, как ты впал в ярость и избил его.

Всех поразило глупое заблуждение этого человека.

Подобное же происходит с человеком, который, живя в этом бренном мире, пристрастился к вину. Утратив чувство меры, он пьёт запоем, совершает непозволительные поступки. Услышав же укоры со стороны людей, ещё более распоясывается. А ведь если б он прислушался к доводам, то с их помощью он бы и сам всё понял.

Точно как с тем глупцом, который пытался утаить свои недостатки. Когда же другой стал говорить о них, то глупец его же ещё и ударил.

Два смельчака

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Стоял некогда старый дом. Люди говорили, что в этом доме всегда водились злые духи, и все боялись их и не хотели в этом доме останавливаться.

Был в те времена один человек, который считал себя смельчаком. Он сказал:

— Я войду в этот дом и останусь там ночевать.

И он пошёл и остался ночевать. Следом за ним другой человек, считавший себя ещё смелее первого, тоже услышал, что окружающие говорят, будто в доме постоянно обитают злые духи. И он тоже захотел войти в дом.

Он толкнул дверь и уже собирался войти. Тот же, что проник в дом первым, решил, что это злой дух. Он захлопнул дверь и держал её, не давая тому войти. Тот же, что пришёл вторым, принял первого за злого духа. И эти двое пытались одолеть один другого.

Только когда рассвело и они увидели друг друга, каждый из них понял, что другой не был злым духом.

Со всеми людьми в мире случается то же самое. Они ненадолго сходятся по воле судеб, но нет среди них главного распорядителя. И они один за другим выясняют:

— А кто же я?

Но все живущие произвольно понимают, что правильно, что ложно. Возникают сильные распри. Они ничем не отличаются от тех двоих, что приняли друг друга за злых духов.

Делёж награбленного

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Некогда шайка разбойников отправилась грабить.

Награбив много вещей, они принялись делить их между собой. Все доли были равные, и только платье из тончайших нитей, — его сочли самой плохой долей — дали самому слабому в шайке.

А тот, слабый, получив свою долю, пришёл в ярость. Он стал кричать, что его обошли.

Когда же он пришёл в город продавать доставшийся ему наряд, то все именитые богачи стали предлагать ему большие деньги. То, что получил он один, оказалось в два раза больше того, что получили все его сотоварищи, вместе взятые. Тут он возликовал и запрыгал от радости.

Это подобно тому, как миряне, не зная, повлечёт ли за собой воздаяние раздача милостыни или нет, раздают малую милостыню (часть своего дохода). Когда же возрождаются на небе и испытывают безмерное блаженство, начинают сожалеть — они сожалеют о том, что не раздавали обширной милостыни (всего своего состояния). Они похожи на того, кто, получив за платье большие деньги, возликовал.

С раздачей милостыни то же самое: много получают за малые дела. Вот почему вместе с ликованием у них возникает сожаление о неполноте совершённого.

Делёж наследства

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Некогда в одном государстве Индии жил-был кшатрия (человек из военной или правящей касты). Он тяжело заболел и точно знал, что умрёт. Двум своим сыновьям он наказал:

— После моей смерти поделите наследство справедливо.

Следуя наставлению, сыновья после смерти отца поделили состояние на две части. Но старший брат сказал младшему, что доли у них неравные.

Тут какой-то глупый старик предложил:

— Давайте я вас научу, как сделать, чтобы всё было поровну: каждую из имеющихся у вас вещей надо разломать надвое.

— Как разломать?

— Одежду разрезать посередине на две части, деревянные доски и кувшины расколоть пополам, глиняные жбаны и горшки тоже расколоть пополам. И монеты разломать надвое. Точно таким же образом поступить со всеми остальными вещами: разделить каждую на две части.

Такой способ дележа имущества был осмеян всеми людьми.

Это подобно тому, как еретики неправильно толкуют различные суждения. Существуют разные типы суждений. Есть суждения, содержащие категорическое утверждение. Например, «Все люди смертны», содержит категорическое утверждение. Суждение же «Тот, кто умер, непременно родится вновь», требует отдельного утверждения; если страсти уничтожены, то он вновь не родится; если же страсти не уничтожены, то он непременно родится вновь. Подобные суждения относятся к типу суждений с отдельными утверждениями.

Когда спрашивают: «Является ли человек самым превосходным существом?» — то на это не отвечают без встречного вопроса: «Ты спрашиваешь по отношению к трём дорогам зла или по отношению к небожителям? Если по отношению к трём дорогам зла, то человек действительно самое совершенное. Если же по отношению к небожителям, то, безусловно, человек им уступает». Этот тип именуется суждением, содержащим встречный вопрос.

Если же задают вопрос из числа четырнадцати трудных вопросов (вопросы, игнорируемые Буддой): имеют ли границы миры и все живые твари в них, имеют ли они начало и конец, — то такое именуется суждением, которое заведомо исключает ответ на вопрос. Все еретики и глупцы считают себя мудрыми. Они разрушают систему четырёх типов суждений и оставляют только один тип суждений, а именно содержащий отдельные утверждения.

Это подобно тому, как глупец делил всё наследство одним способом: разламывал и монеты и вещи на две части.

Дерево с прекрасными плодами

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Некогда у правителя одного государства росло замечательное дерево, огромное и в высоту и в толщину. На нём всегда вызревали прекрасные плоды — душистые и необычайно сладкие.

Как-то пришёл к правителю один человек. Правитель сказал ему:

— Это дерево скоро даст великолепные плоды. Сможешь ли ты отведать их?

Пришедший ответил правителю:

— Дерево высокое и толстое, если я и захочу отведать плодов, то как это сделать?

И тогда он срубил дерево, надеясь собрать плоды. Но тут оказалось, что он ничего не нашёл, зря только старался. Потом он захотел поставить дерево вертикально, но дерево уже засохло и погибло: в нём уже не было жизненных сил.

Люди в мире поступают так же. У властителя Закона Будды было дерево соблюдения обетов. На нём вызревали превосходнейшие плоды. Но в душах возникла жажда наслаждений. Люди захотели отведать этих плодов. Им следовало для этого соблюдать обеты, практиковаться во всех благостных деяниях. Они же, напротив, не разбираясь в способах, нарушили запреты.

Получилось как с тем, кто срубил дерево: он хотел вернуть его к жизни, но никак не мог это сделать. Так и с людьми, разрушающими обеты.

Долг в полмонеты

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Некогда один торговец дал в долг какому-то человеку полмонеты. Прошло много времени, а тот всё не возвращал долг. Тогда торговец пошёл востребовать долг.

На пути ему встретилась большая река. За переправу торговцу пришлось заплатить какому-то человеку две монеты. Оказавшись на том берегу, он пошёл к должнику, но так и не смог повидать того. На обратном пути снова надо было переправляться через реку — снова заплатил две монеты.

Так ради того, чтобы вернуть долг в полмонеты, торговец потерял четыре монеты. К тому же натерпелся в пути немало. То, что ему задолжали, было ничтожно, издержки же — довольно значительны.

В результате люди были удивлены его поведением и смеялись над ним.

С людьми, живущими в брэнном мире, происходит то же самое: ради ничтожной славы и выгоды они разрушают великие поступки, ради своего собственного тела пренебрегают правилами поведения и долгом. В результате они сейчас пользуются дурной славой, а потом в виде воздаяния терпят муки.

Долгожданная вода

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Некогда один глупый человек, не наделённый разумом, томился от жажды и искал воду. Увидев марево, он подумал, что это вода, и побежал в том направлении. Так он дошёл до реки. У реки он остановился и, уставившись, стал смотреть, но не пил.

Окружающие сказали:

— Ты мучился от жажды и спешил к воде. Вот ты у воды, отчего же ты не пьёшь?

Глупец отвечал:

— Благородный муж должен пить до дна; значит, я должен выпить всю реку. Но в ней очень много воды, нам даже вместе всю не выпить. Потому я и не пью.

Услышав такие речи, все окружавшие его люди захохотали.

Точно как с тем еретиком, который нелепо истолковал закон: поскольку я не могу полностью соблюсти обеты, завещанные Буддой, то я их вовсе не приемлю. В результате в будущем он не постиг и доли истины, оставаясь в круговороте жизни и смерти.

Здесь то же самое, что было с тем глупцом, томившимся от жажды: он глядел на воду, но не пил и был осмеян очевидцами.

Дочь правителя

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Некогда один крестьянин отправился в город и увидел дочь правителя. Её внешность являла собой совершенство, какое редко встречается на свете.

День и ночь он думал о ней. Будучи не в силах совладать со своими чувствами, он жаждал близости с ней, но не имел возможности осуществить своё желание.

Лицо его приобрело нездоровый, жёлтый цвет, он тяжело заболел. Близко знавшие его спросили, почему с ним происходит такое. Он им ответил:

— Недавно я видел дочь правителя. Она — само совершенство, я жажду разделить с ней постель. Оттого что не могу этого добиться, я заболел. Если мне не удастся её получить, то несомненно умру.

Все родные сказали:

— Мы для тебя что-нибудь придумаем, и она достанется тебе, но не надо так убиваться.

На следующий день они увидели его и сказали:

— Мы-то сделали так, что ты сможешь её получить, только сама дочь правителя не желает этого.

Услышав это, крестьянин от радости воскликнул:

— Она непременно будет моей!

Глупцы в мире тоже поступают так. Они не различают времён года: весну, осень, зиму, лето. В зимнее время они бросают зерно в землю и надеются получить плоды. Их усилия пропадают без толку — ничего они не добиваются. Побеги, стебли, листья, ветки — всё гибнет.

Глупцы в мире привыкают к маленькому счастью и полагают, что этого достаточно. И тогда они думают, что уже просветлились и могут достичь бодхи (просветления).

Они уподобляются тому крестьянину, что мечтал о дочери правителя.

Жареный кунжут

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Некогда один глупец поел семян кунжута в сыром виде и решил, что это невкусно. Он поджарил их, стал есть: вкусно. Он подумал: «А не лучше ли сажать жареные семена? Тогда они вырастут вкусными!»

Он поджарил семена и посадил их. Но семена уже были невсхожими.

С людьми в мире тоже случается подобное. Чтобы стать Бодхисаттвой, нужно совершенствовать свои поступки в течение долгого времени. Так как осуществлять подвижничество трудно, да и радости от этого никакой, то они размышляют: «А не лучше ли стать архатом (в ком угасли желания)? Архат прекращает круговорот жизни и смерти в короткий срок». И они ограничиваются малыми усилиями. Но потом, когда они хотят достичь плодов Будды (нирваны), это оказывается невозможным.

Подобно глупцу, который, бросив в землю жареные семена, лишил их жизненной силы, поступают и глупцы в мире.

Зеркало в дорогом ларце

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Некогда жил один человек. Был он крайне беден, жил в нищете, много задолжал людям, а возвращать долги было нечем. И тогда он сбежал.

Добрался он до какой-то пустыни. Там он нашёл ларец, наполненный драгоценностями, и чистое зеркало. Оно лежало на драгоценностях, прикрывая их. Увидев это, бедняк очень обрадовался.

Он поднял зеркало и обнаружил в нём человека. Тут он испугался и, сложив руки в молитвенном жесте, сказал:

— Я думал, что ларец пустой, что в нём ничего нет. Вдруг оказалось, что в нём находитесь вы, господин! Не сердитесь на меня!

С людьми в мире тоже случается подобное. Бесчисленные треволения доводят их до крайней степени измождения, и они попадают в путы своего заимодавца — властителя круговорота жизни и смерти, повелителя демонов (Мары). Они хотят вырваться из круговорота жизни и смерти, вступить в Закон Будды, совершенствоваться в соответствии с законом добра, копить благостные заслуги.

Но, уподобляясь тому, кто нашёл драгоценный ларец и был введён в заблуждение, увидев своё отражение в зеркале, они ошибочно полагают, что существует собственное «я», и замыкаются в нём, считая, что оно являет собой реальность. Таким образом они низвергают себя, теряют все благостные заслуги и всё добро, обретенное через созерцание, через пройденные ступени Пути (у буддистов существует 37 таких ступеней), через непроницаемость для скверны. Они начисто теряют плоды Пути Трёх Колесниц (три направления в Буддизме).

Сторонники привязанности к собственному «я» поступают точно так же, как глупец, что выбросил ларец с драгоценностями.

Знавший все правила

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Жил-был некогда выходец из знатной семьи. С группой торговцев он отправился в море за сокровищами. Он твёрдо заучил правила управления судами, вышедшими в море: если, находясь в море, попадёшь в место, где есть водовороты, подводные течения и камни, то следует держать руль так-то, продвигаться так-то, останавливаться так-то.

Он заявил всем:

— Я знаю все правила плавания по морю.

Услышав такое, все торговцы прониклись к его словам глубоким доверием.

Через короткое время после их выхода в море заболел и скоропостижно умер кормчий. И тогда «знавший все правила» занял его место. Когда они попали в водоворот, он возгласил:

— Надо так-то править, так-то двигаться вперёд.

Но судёнышко стало вертеть на месте, и оно не могло плыть дальше, к тому месту, где были сокровища. Все находившиеся на нём торговцы потонули.

Люди в мире поступают так же. Мало упражняются в способах созерцания, регулировании вдохов и выдохов и разглядывании нечистого. Они твердят слова, но не вникают в смысл. Они совершенно не понимают истинной сущности различных методов, а говорят, что прекрасно в них разбираются. Они неверно излагают способы созерцания, так что сидящие перед ними люди теряются, мысли их путаются. Проявление Закона оказывается поставленным с ног на голову. За долгие годы всей своей жизни они так ничего и не достигают.

Они похожи на того глупца, из-за которого другие погибли в море.

Значение слова «мани»

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Некогда один человек занимался любовью с замужней женщиной. Любовное свидание ещё продолжалось, когда вернулся муж и сразу понял, что происходит. Стоя за воротами, муж ждал, когда выйдет любовник, чтобы убить его.

— Мой муж уже обо всём догадался, — сказала женщина любовнику, — и тебе не выйти отсюда иначе, как через «мани».

На её языке слово «мани» значило «отверстие сточной трубы». Женщина имела в виду, что любовник выберется через сточную трубу. Но он понял её неправильно и решил, что речь идёт о жемчужине «Мани» (драгоценном символе Будды). Он стал повсюду искать жемчужину и, не найдя, сказал:

— Раз я не нашёл жемчужины, значит, мне не выйти отсюда и твой муж вот-вот убьёт меня.

Так же поступают люди, живущие в мире. Кто-то сказал:

— Между жизнью и смертью всё заполнено страданиями, пустотой непостоянства и полным отсутствием «я». Если, отказавшись от двух крайностей — прерывистого и вечного, — вступить на средний путь и идти по самой середине, то можно обрести освобождение от мирских уз.

Люди, живущие в мире, ошибочно истолковывая эти слова, начинают доискиваться, существуют ли края света или их нет, существует ли собственное «я» у всех живущих или нет. При этом они никак не обращают внимания на то, что смысл заключен в среднем пути. Вдруг кончается их жизнь. Уничтоженные непостоянством, они попадают на три дороги зла.

Они подобны тому глупцу, который искал жемчужину «Мани» и из-за этого погиб.

Золотая куница

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Некогда один человек отправился в путь. На дороге он нашёл золотую куницу. Он очень обрадовался, запрыгал от восторга. Куницу положил за пазуху и пошёл дальше.

Он подошёл к реке и хотел было переправиться на другой берег. Разделся, одежду бросил на землю.

В один миг золотая куница превратилась в ядовитую змею. Человек размышлял: «Неужели я погибну от укуса ядовитой змеи? Всё-таки спрячу её за пазуху».

Как только у него появились столь мрачные сомнения, змея снова превратилась в золото.

Находившийся рядом глупец, увидев, что ядовитая змея превратилась в драгоценность, решил, что так бывает всегда. Он взял ядовитую змею и тоже положил её к себе за пазуху. Змея тут же его ужалила. Так он загубил свой телесный облик и умер.

С глупцами в этом мире всегда бывает так. Они видят, что добро приносит выгоду. Будучи внутренне неискренними, они лишь ради выгоды стремятся приобщиться к Дхарме. Когда же жизнь их кончается, они попадают в обитель зла.

Это подобно тому глупцу, который взял ядовитую змею и ею был смертельно ужален.

Золото над водоёмом

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Некогда один глупец отправился к большому пруду и увидел на дне водоёма отражение чистого золота.

С возгласом «Ой, золото!» он тут же полез в воду, зачерпнул ил и стал искать в нём золото. Устал невероятно, но так ничего и не нашёл. Вышел из воды и снова сел. Через некоторое время вода снова стала прозрачной, и снова стало видно, как блестит золото. Он снова нырнул, зачерпнул ил и стал искать. И опять не нашёл.

А в это время его разыскивал отец. Подойдя к пруду, он увидел сына и спросил:

— Чем это ты занимаешься, что так устал?

Сын отвечал отцу:

— На дне этого пруда лежит чистое золото. Я сейчас нырял, хотел зачерпнуть ил и выбрать из него золото. Но так ничего и не добыл, а только устал.

Отец посмотрел на отражение золота на дне пруда и понял, что золото находится на дереве. Он понял это именно благодаря тому, что отражение было на дне водоёма. Отец сказал сыну:

— Конечно же, летела птица, в клюве она держала золото, которое оставила на дереве.

Выслушав отца, сын влез на дерево и достал золото.

Глупые люди, жители этого мира с мудростью незнакомы и делают то же. Для них тайна — отрицание своего «я», хотя Будда учил что свое «я» иллюзорно и временно, они наоборот, думают: «Я существует». Так же как тот, кто увидел призрак золота: долго старался, искал и разглядывал воду, — трудился тщетно и ничего не получил.

Короб, посох и башмак

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Жили-были два беса-пишача. Они совместно владели одним коробом, одним посохом и одним башмаком. Бесы спорили между собой, каждый из них хотел завладеть этим имуществом. Оба беса суетились, и целый день не могли успокоиться.

В это время какой-то человек услышал их спор и спросил:

— Что особенного в этом коробе, посохе и башмаке, что вы ссоритесь из-за них и пребываете в таком гневе?

Бесы ответили:

— Из этого нашего короба можно достать любую одежду, пищу, постельное бельё — всё, что нужно для жизни, мы достаём оттуда. Стоит только взять в руки этот посох, как противник изъясняет покорность и уже не смеет с тобой спорить. Надевший этот башмак оказывается в состоянии беспрепятственно подняться в воздух.

Выслушав бесов, человек сказал им:

— Отойдите-ка отсюда немного, и я разделю между вами всё поровну.

Бесы, услышав такое, отбежали подальше, а человек тут же схватил короб, взял посох, надел башмак и взлетел. Оба беса опешили: вдруг нечего стало добиваться. А человек сказал им:

— Я забрал то, из-за чего вы спорили, теперь вам не из-за чего будет ссориться.

Бесы-пишача — это намёк на всех злых духов и еретиков. Коробу подобна раздача милостыни: с неё начинается всё, что нужно для существования всех пяти разрядов существ: души грешника, голодного духа, животного, человека и небожителя. Посоху подобно погружение в созерцание: оно уничтожает разбойников — злобу и треволения этого мира. Башмаку подобно соблюдение обетов: оно непременно возвысит человека до небожителя. Спор всех злых духов и еретиков о коробе — это намёк на то, что люди, «имеющие течь» (в хорошо развитый ум не просачивается вожеление), всеми силами ищут воздаяния, но так ничего и не достигают. Только в том случае, если они смогут усовершенствоваться в добрых деяниях да ещё совершать даяния, соблюдать обеты, погружаться в созерцание, то получают избавление от страданий и достигнут плодов истинного Пути.

Коровье молоко

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Некогда к глупцу должны были прийти гости. Он решил собрать коровье молоко, намереваясь попотчевать их. И стал думать так: «Если я, начав заблаговременно, буду ежедневно надаивать, то через какое-то время молока соберётся много. А вдруг не окажется места для хранения или ещё: оно прокиснет? Не лучше ли сохранять его в животе самой коровы, а когда придёт время

принимать гостей, тогда разом всё и выдоить». Приняв такое решение, он тут же развёл корову и телёнка и привязал их порознь.

Прошёл месяц, только тогда он устроил пир. Встретив и усадив гостей, хозяин, наконец, привёл корову, чтобы выдоить молоко. Но молока-то у коровы не оказалось: оно пропало. И тогда одни гости рассердились, а другие посмеялись.

С глупцом всегда бывает так: когда он хочет совершить даяние, он говорит:

— Я дождусь, когда у меня чего-нибудь будет много, тогда и раздам сразу. Но не успеет такой человек собрать чего-нибудь много, как у него либо отнимут это уездные чиновники, либо пожар или наводнение, а может случиться, его ограбят или же он сам неожиданно умрёт. Так и не наступит время даяний. Точь-в-точь как с тем хозяином, который собирал молоко.

Кража быка

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Жители одной деревни вместе украли быка и съели его.

Хозяин, потерявший быка, поспешил по следам в их деревню. Он созвал жителей этой деревни и стал расспрашивать их об обстоятельствах дела. Он спросил:

— Я нахожусь в вашей деревне, не так ли?

Укравшие отвечали:

— У нас, право же, нет никакой деревни.

Тот продолжал:

— В вашей деревне, не правда ли, есть пруд? И возле этого пруда вы съели быка?

Жители деревни отвечали:

— Нет пруда.

Тот снова спросил:

— А у пруда есть дерево?

Жители деревни отвечали:

— Нет дерева.

Тот продолжал расспрашивать:

— Когда вы похищали быка, это происходило к востоку от вашей деревни?

Жители деревни отвечали:

— Нет у нас востока.

Тот снова спросил:

— Когда вы похищали быка, был полдень?

Жители деревни отвечали:

— У нас и полдня нет.

Тогда тот сказал:

— Можно было допустить, что у вас нет деревни и нет дерева. Но не может не быть на земле востока или времени дня. Ясно, что вы лжёте, и верить вашим словам нельзя. Итак, вы похитили быка и съели его, не так ли?

И они признались ему в том, что действительно съели.

То же происходит с людьми, нарушающими запреты. Они скрывают свои прегрешения и не хотят, чтобы последние были обнаружены. После смерти они попадают в подземную тюрьму для грешных душ. Все небесные духи добра наблюдают за ними небесным оком, от которого ничего не скроешь.

Это подобно тому, как жители деревни съели быка и не смогли не сознаться в этом.

Кровь сына в жертву

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

В давние времена жила-была женщина. И был у неё один сын. А ей хотелось иметь ещё. Она стала спрашивать других женщин, кто из них способен сделать так, чтобы у неё были ещё сыновья.

Нашлась старуха, которая сказала:

— Я могу поспособствовать, чтобы у тебя были столь желанные сыновья. Но надо обязательно принести жертву небу. Женщина спросила у старухи:

— Что же нужно принести в жертву?

Старуха отвечала:

— Убей своего сына, а его кровь принеси в жертву небу. Тогда обязательно будет много детей.

Следуя совету, женщина уже собиралась убить сына. К счастью, рядом оказался мудрый человек, он осмеял и выругал её:

— Ты глупа, лишена мудрости, вот и докатилась до того, чтобы ради ещё не существующих сыновей — да и неизвестно, будут ли они вообще когда-нибудь, — убивать сына, который уже есть.

Глупцы тоже поступают так. Во имя будущей радости они бросаются в огненные ямы. Они причиняют себе всякого рода увечья, для того чтобы возродиться на небе.

Лекарь и горбатый человек

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Один человек стал страдать из-за горба на спине. Он обратился к лекарю, чтобы тот его вылечил.

Лекарь смазал горб маслом, наложил сверху и снизу доски и с силой сжал до боли. Он не заметил, что у больного выскочили из орбит сразу оба глаза.

Глупцы в мире тоже поступают так. Чтобы устроить счастье, они заботятся о пропитании, занимаются торговлей, совершают поступки, идущие вразрез с Законом. Вроде бы и дела делают, но польза от них не покрывает вреда. В будущих мирах они попадают в подземную тюрьму для грешников. Их можно уподобить лекарю, из-за которого у больного оба глаза вылезли из орбит.

Лечение рубцов

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Некогда правитель избил человека плетью. Сразу после избиения тот наложил на раны лошадиный навоз, чтобы поскорее заживали.

Это наблюдал глупец.

— Я немедленно применю этот способ лечения, — сказал он радостно.

Вернувшись домой, он попросил сына:

— Отстегай-ка ты меня плетью по спине. Я знаю хороший способ залечивать раны и сейчас хочу испытать его на себе.

Сын отстегал глупца по спине плетью, а тот наложил на рану навоз и счёл себя крайне находчивым.

Так бывает и с людьми в мире. Услышат от кого-то: «Если упражняться в созерцании нечистого, то можно уничтожить телесные раны от пяти скверн (страсть, гнев, невежество, высокомерие, гордыня)», — и говорят: «Я желаю созерцать женскую красоту». Но из-за пяти порочных желаний (порождаемых восприятиями через органы чувств) они оказываются охваченными заблуждением от женской красоты, ещё не успев разглядеть нечистое. В круговороте жизни и смерти они попадают в подземную тюрьму для грешников. Происходит точно то же, что с глупцами в мире.

Лысый человек

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Жил-был человек, у которого на голове не было волос. Из-за этого он зимой страдал от холода, а летом — от жары. К тому же его кусали комары и слепни. Ни днём, ни ночью он не знал покоя и от этого очень мучился.

Был один лекарь, который знал множество чудодейственных рецептов. Человек с лысиной пришёл к нему и сказал:

— Хочу лишь одного, великий лекарь, избавь меня от моей лысины.

Лекарь сам был лысый. Он тут же снял шапку и показал лысину, при этом он сказал:

— И я страдаю от того же, и мне оно доставляет мучения. Если бы я был способен излечивать от облысения, то, прежде всего, избавил бы себя от этого недуга.

Так же и с людьми в мире. Их охватывает беспокойство по поводу рождения и старости, болезни и смерти, они стремятся обрести долголетие и бессмертие. Они слышат, что существуют шраманы (отшельники или аскеты), брахманы (просветлённые), искусные лекари (будды и бодхисаттвы), что они отлично излечивают все недуги этого мира. Люди приходят к ним и говорят:

— Хочу лишь одного: чтобы вы избавили меня от этого недуга — бесконечного круговорота жизни и смерти — и навеки поместили бы туда, где постоянный покой и радость, чтобы жить там вечно, без перевоплощений.

На это брахманы отвечают:

— Мы тоже страдаем от такого непостоянства — рождение, старение, болезни, смерть — и всеми средствами ищем место, где живут вечно, но никак не можем обрести его. Если б мы сейчас были в состоянии дать тебе возможность обрести такое место, мы наверняка обрели бы его сначала сами, после чего помогли бы и тебе обрести его.

Это подобно тому, как человек, который страдал из-за своей лысины, зря только старался: вылечиться всё равно не мог.

Маленький мальчик и большая черепаха

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Некогда маленький мальчик, играя на берегу, поймал большую черепаху.

Он задумал убить её, но не знал, как это сделать, и спросил у людей:

— Как можно её убить?

Какой-то человек сказал:

— Стоит лишь бросить её в воду, и ты сразу её убьёшь.

Мальчик поверил ему и тут же бросил черепаху в воду. А черепаха, попав в воду, сразу же уплыла.

Люди, живущие в мире, поступают так же. Они стремятся охранять свои шесть источников (шесть чувств), упражняться в приобретении заслуг. Не зная, как этого достичь, они спрашивают у других:

— Как создать карму, освобождающую от мирских уз?

Еретик, исповедующий ложные воззрения, демон небес Босюнь (демон убийца) и умудрённый знанием зла говорят:

— Вы думайте всегда лишь о шести видах мирской пыли, давайте волю страстям и пяти желаниям. Если будете поступать согласно нашим советам, то непременно сможете освободиться от мирских уз.

Такие глупцы, не вникая в суть, не обдумывая, делают, как им говорят. Тело их разрушается, жизнь кончается, и они попадают на дорогу трёх зол.

Они подобны тому мальчику, что бросил черепаху в воду.

Медовый сироп

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Некогда глупец варил медовый сироп. Пришёл к нему в гости богач. Глупец подумал: «Нужно бы угостить богача медовым сиропом». Он влил в сахар немного воды и поставил на огонь, а над огнём стал размахивать веером, чтобы сироп поскорее остыл.

Человек, находившийся рядом, сказал:

— Пока не погасишь огонь под сиропом, сколько бы ты ни махал веером, всё равно сироп не остынет.

Тут все вокруг стали громко смеяться.

Это можно уподобить тому, что происходит с еретиком. Не погасив полыхающего огня суеты и треволнений, он с молодых лет предаётся аскетизму: спит на шипах терновника, жжёт своё тело на пять ладов, надеясь, что находится на Пути к очищению и умиротворению. Но всё напрасно: он никогда не достигнет этой цели и только подвергнется осмеянию со стороны премудрых. Он и в настоящем терпит муки, и в будущие калпы (большие временные периоды) обречён на бесприютность.

Мешок золотых монет

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Некогда один бедняк шёл по дороге и случайно нашёл целый мешок золотых монет. Он очень обрадовался, запрыгал и тут же стал их считать.

Не успел он ещё сосчитать, как вдруг к нему подошёл хозяин золотых монет. Бедняку пришлось полностью вернуть все монеты, которыми он было завладел. Бедняк пожалел тогда, что не убежал побыстрее. Он огорчился и очень сильно страдал.

Те, кто встречаются с Законом Будды, тоже таковы. Хотя они обретают счастье трёх драгоценностей (Будда, его учение и монашеская община), они не усердствуют в способах. Только начнут совершенствоваться в добрых деяниях, как неожиданно жизнь кончается, и они попадают на три дороги зла.

Они уподобляются тому глупцу, который вернул доставшиеся было ему монеты их владельцу, а сам ушёл.

Мёртвая жена

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Некогда у одного глупца была красивая жена. Он очень любил её, а жена не отличалась ни целомудренностью, ни верностью.

Прошло сколько-то времени, и она вступила в связь с другим. Преисполненная порочных желаний, она решила бросить своего мужа и уйти к любовнику. При этом она обратилась с тайной просьбой к старой служанке:

— Раздобудь-ка ты тело какой-нибудь умершей женщины и после моего ухода внеси труп в дом, а мужу скажи, что я умерла.

Старуха улучила время, когда мужа не оказалось дома, и внесла в дом женский труп. Когда муж вернулся, старая служанка сообщила ему:

— Жена твоя умерла.

Муж тут же взглянул на труп и признал в нём свою жену. Поплакав и погоревав о ней, он подложил большую охапку хвороста, облил труп маслом и сжёг, а костями наполнил мешок и держал его день и ночь при себе.

Прошло ещё сколько-то времени, жене надоел её любовник, и она вернулась домой. Мужу своему она сказала:

— Я — твоя жена.

На это муж ей отвечал:

— Моя жена давно умерла. Кто же ты, что несёшь такой вздор, будто ты моя жена?

Жена уверяла его ещё и ещё раз, но он ей так и не поверил.

Точно как с тем еретиком: он услышал какое-то ложное учение, и, хотя в душе его возникло сомнение, он всё же счёл учение за истинное, и его уже никогда нельзя было переубедить. А, услышав действительно истинное учение, он не уверовал в него и не воспринял.

Молоко осла

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Некогда жители некоего сопредельного с Индией государства не знали, что такое осёл. От других они слыхали, что ослиное молоко очень вкусно, но никакого представления о нём не имели.

И вот однажды они раздобыли осла и собрались его доить. Отталкивая друг друга, они хватили осла кто за что: одни за голову, другие за ухо, третьи за хвост, четвёртые за ноги, а были и такие, которые схватили осла за его член. Каждому хотелось поскорее надоить и первому испить ослиного молока. Те, что держали осла за член, полагали, что это и есть вымя. Они дёргали его, ожидая, что потечёт молоко.

Все они очень устали и ничего не выдоили. Только зря старались, а добиться так ничего и не добились. Все очевидцы их осмеяли.

Еретики, живущие в этом мире, тоже поступают так. Они слышат разговоры о том, что в Пути не надо искать места, и у них возникают ложные мысли, появляются всякого рода ошибочные воззрения. Они обнажают свое тело, морят себя голодом, кидаются с утёсов, бросаются в огонь. Из-за своих ошибочных воззрений они оказываются на дороге зла. Они уподобляются тем глупцам, которые по своему недомыслию хотели получить от осла молоко.

Моргающий глазами

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Жил-был некогда один человек. Захотелось ему заслужить расположение правителя. Он расспрашивал других, как этого добиться. Кто-то ему сказал:

— Если хочешь добиться расположения правителя, подражай его манерам.

Этот человек немедленно явился к правителю и, увидев, что правитель моргает глазами, тоже стал моргать, подражая правителю. Правитель спросил:

— Не болен ли ты? Не простудился ли? Почему ты моргаешь?

Человек отвечал:

— У меня не болят глаза и простуды тоже нет. Я добиваюсь твоего, правитель, расположения. Я вижу, что правитель моргает глазами, вот и стараюсь подражать правителю. Услышав это, правитель очень рассердился и тут же отдал приказ сурово наказать этого человека и выгнать его из государства.

С людьми в мире тоже случается такое. Они стремятся приблизиться к Будде, чтобы с помощью его закона о добре возвеличить себя. А как только им удаётся приблизиться к нему, они замечают лишь изъяны, будучи не в силах понять все способы, которые Будда даёт всем живущим для спасения. Иные, услышав Закон, замечают в нём лишь неверные слова и фразы, начинают осуждать и поносить их. Но они подражают недостаткам. Поэтому учение о добре, которое содержится в Законе Будды, для них оказывается безвозвратно утерянным. Сами они скатываются в пучину трёх зол (перевоплощений в низшие существа). Происходит то же самое, что с тем глупцом.

Мясо фазана

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Некогда один человек тяжело заболел. Искусный лекарь освидетельствовал его и сказал, что ему необходимо регулярно съедать мясо одного фазана, только так можно избавиться от болезни.

Этот больной купил на базаре фазана, съел его и больше есть не стал.

Через какое-то время лекарь увидел его и спросил:

— Прошла твоя болезнь?

Больной отвечал:

— В прошлый раз ты, лекарь, велел мне регулярно есть мясо одного фазана. Сейчас тот фазан, которого я ел, уже кончился, а больше я есть не смею.

Лекарь возразил:

— Если тот фазан кончился, почему же ты не ешь больше? Как же так: ограничился тем, что съел одного фазана, и надеешься поправиться?

То же получается со всеми еретиками. Они слышали, что Будда и Бодхисаттвы, непревзойдённые в искусности целители, учат, что нужно освободить от мирских уз разум и сознание.

Еретики же считают, что увиденное ими постоянно. Они полагают, что прошлое, будущее и настоящее раз и навсегда существуют в сознании без продвижения и упадка. Они похожи на того, кто съел единственного фазана, и поэтому не могут излечиться от заболевания глупостью, омрачением и тревожностями.

Все великомудрые будды учили всех еретиков отказаться от взгляда о постоянстве. Все дхармы (сущности) каждое мгновение возникают и погибают. Так может ли быть постоянным и неизменным хоть одно сознание! Будда же поступает так, как тот мирской лекарь, который велел регулярно есть фазанье мясо, чтобы достичь выздоровления; он призывает всех живущих уяснить, что все дхармы разрушаются, потому непостоянны, продолжаются, потому непрерывны. Только так можно избавиться от болезни — приверженности к постоянству.

Наблюдение за изготовлением кувшинов

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Два человека пришли к гончару и стали наблюдать за тем, как он, вращая ногой круг, делает кувшины. Они смотрели на гончара без устали.

Через некоторое время один из них ушёл и направился на великий собор (собрание буддистов с богатым подаванием), где его угостили вкусными кушаньями и одарили сокровищами. Второй же, продолжая, смотреть на гончара, говорил:

— Дай мне досмотреть до конца.

Время шло, и солнце уже село, а тот человек всё смотрел, как делаются кувшины. Из-за этого он лишился и платья и еды.

Так же и с глупцами. Они устраивают свои домашние дела, не сознавая, что занимаются преходящим, не давая развиваться своему духу.

Надкушенные плоды

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Некогда один богач послал человека, дав ему денег, в сад к другому человеку купить плодов манго. Богачу хотелось отведать плодов. Он наказал человеку:

— Покупай только в том случае, если плоды вкусные и сладкие.

Человек тут же взял деньги и отправился покупать эти плоды. Владелец фруктового сада сказал:

— У меня на этом дереве все плоды хорошие, ни одного нет плохого. Ты попробуй один — тебе будет достаточно, чтобы это понять.

Покупатель же заявил:

— Я должен попробовать каждый плод, только тогда я смогу их купить. А если я попробую только один, то как я узнаю об остальных?

И он стал пробовать один плод за другим, пока не перепробовал все. После этого он взял их и отнёс домой. Увидев надкусанные плоды, богач почувствовал отвращение к ним и не стал есть. Пришлось всё выбросить.

Люди в мире тоже поступают так. Они слышат, что соблюдением обетов и раздачей милостыни можно добиться большого богатства и радости. Тело всегда будет в покое, не будешь знать никаких страданий. Но они не верят этому и думают так: «Даяниями достигают счастья. Вот когда я сам достигну этого счастья, только тогда и поверю». Они видят собственными глазами, что благородное и низкое, бедность и нищета суть плоды, полученные в воздаяние за содеянное в прошлом. Но они не понимают, что достаточно разобраться в одном, чтобы доискаться, где причина, а где её результат. Пока нечто скрыто, они в это не верят и должны через всё пройти сами.

Но однажды брэнной жизни приходит конец. Всё состояние оказывается потерянным. Точь-в-точь, как с тем, что перепробовал все плоды, которые потом пришлось выбросить.

Нападение разбойника

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Некогда два человека вместе отправились путешествовать в дикие места. На одном из них была накидка из тонкой шерсти. В дороге грабитель отобрал у него эту одежду. Второй же убежал и спрятался в зарослях травы.

Тот, у которого украли одежду, незадолго до того, как это случилось, зашил в угол накидки золотую монету. Он говорит разбойнику:

— Эта одежда стоит как раз один золотой. Так вот я хочу за золотую монету выкупить её. — А где эта монета? — спросил разбойник.

Человек подпорол угол накидки и показал монету.

— Это настоящее золото, — сказал он разбойнику. — А если ты не веришь, можешь пойти спросить: там в траве хороший мастер по золотым делам.

Увидев второго путника, разбойник и у него отобрал одежду.

Таким образом, дурак лишился и накидки, и золотой монеты. Сам прогадал, да ещё и другой из-за него оказался в убытке.

Люди, живущие в мире, тоже поступают так. Они совершенствуются в ступенях Пути (в буддизме 37 ступеней), накапливают всевозможные заслуги. Но, подвергшись нападению разбойника-треволнения, они теряют закон добра и уничтожают все приобретённые заслуги.

Они не только сами прогадывают, но из-за них и у других людей гибнут деяния, ведущие к истинному Пути. Плоть их погибает, жизнь кончается, они сами попадают на дорогу трёх зол.

Они уподобляются тому глупцу, который всего лишился.

Незначительное состояние

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Жил некогда один бедняк. Состояние у него было совсем незначительное. Увидел он богача и задумал сравниться с ним богатством.

А так как сравнивать было невозможно, то имевшееся у него незначительное состояние он надумал бросить в реку.

Сосед ему сказал:

— Хотя богатство твоё невелико, всё же на него ты смог бы прожить хоть несколько дней. Зачем же отказываться от него и бросать всё в реку?

Глупцы в мире поступают так же. Хотя они и уходят в монахи, им мало той выгоды, которую они получают. В душе они чувствуют, что чаяния их не сбылись. Они не могут сравниться с теми, кто высокодобродетелен. Стремясь к такой же выгоде, они видят, что те, которые обладают добродетелью с давних пор, всегда имеют большую славу и множество даяний. Они пытаются сравнить себя с ними.

Но так как сравниться всё равно не могут, то в душе затаивают тоску и страдания. И тогда они решают отступить от Пути.

Их можно уподобить тому глупцу: задумал тягаться состоянием с богачом и сам же выбросил всё, что имел.

Новые живые существа

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Все брахманы провозглашают великого царя Брахмадеву отцом мира и говорят, что он может создавать всё живущее.

А у повелителя, творящего всё живущее, был ученик, который сказал:

— Я тоже могу создавать живых тварей.

На самом же деле это был дурак, считавший себя мудрецом. Он сказал Брахмадеве:

— Я желаю создавать живых тварей.

— Не возымей такого намерения! Ты не можешь этого делать, — возразил Брахмадева.

Но глупец пренебрёг этими словами Брахмадевы и всё же решил создавать живых тварей. Увидев, что сотворил его ученик, Брахмадева сказал:

— Ты делаешь голову слишком большой, а шею слишком маленькой, руки слишком большими, а предплечье слишком маленьким, ноги очень маленькими, а пятки очень большими. Твои создания похожи на бесов-пишача.

Смысл сей притчи в том, что необходимо понять: каждое живое существо создаётся своими прошлыми делами, а не Брахмадевой.

Когда Будды излагают Закон, они не впадают ни в одну из двух крайностей: они не касаются ни прерывности, ни постоянства. Таким образом, они трактуют Закон с помощью благородного восьмеричного пути, включающего: правильный взгляд, правильные намерения; правильную речь, правильные поступки, правильную жизнь, правильные усилия, правильную память, правильное

сосредоточенное размышление. Кто пройдет, восьмеричный путь, ступень за ступенью, достигнет Нирваны.

Еретики же, столкнувшись с такими явлениями, как прерывность и постоянство, порождают иллюзорную привязанность к вещам. Обманывая мир, они придают своим толкованиям лишь внешнюю форму Закона. На самом же деле то, что они проповедают, вовсе не является Законом.

Обещанная плата за музыку

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Музыканты играли для правителя. Правитель обещал им за это тысячу монет.

После игры они стали требовать от правителя обещанных денег, а он им не давал. Правитель сказал:

— Когда вы играли для меня, то услаждали мои уши, да и только. Суля вам деньги, я тоже услаждал ваш слух.

С воздаянием в мире дело обстоит так же. Хотя те, кто из мира людей попадает на небеса, и получают ничтожное наслаждение, в нём нет ничего реального. Оно непостоянно, преходяще, его нельзя удержать надолго. Это подобно тому, как те «услаждали, да и только».

Обёртка из парчи

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Некогда вор забрался в дом богатого человека, украл там парчовое шитьё и завернул в него ветхое платье из дерюги и ещё всякую всячину.

Мудрые люди его осмеяли.

Глупцы в мире поступают так же: как только они уверуют, что вступили в Закон Будды, они практикуются в осуществлении добрых деяний и во всех заслугах, обещающих благости. Но своей жаждой выгоды они разрушают чистые, без корысти, обеты и благостные заслуги.

Обточка большого камня

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Какой-то человек обтачивал большой камень. Он много и усердно трудился. Проходили дни и месяцы, а он сделал всего лишь игрушечного бычка.

Сил потрачено много, а то, ради чего старался, ничтожно.

Так и у людей в мире. Обтачивание большого камня сравнимо с муками упорного труда в достижении учёности. Изготовленный в результате маленький бычок — это намёк на то, что слава соотносится как с истинным, так и с ложным. Ведь для достижения учёности предмет рассматривают пристально, с усердием, глубоко штудируют, проникая во многие области знаний.

Следует исполнять долг и лишь в далёком будущем искать высший плод (нирвану), только тогда придёт слава. Если же быть высокомерным, выказывать своё превосходство, то от этого лишь продлятся страдания.

Огонь и холодная вода

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Некогда человеку для какого-то дела нужны были огонь и холодная вода. Он развёл огонь и поставил на него таз для умывания, через край наполненный водой.

Какое-то время спустя он хотел воспользоваться огнём, но огонь погас, хотел взять холодной воды, но вода уже нагрелась. И так он лишился обеих вещей — и огня, и холодной воды.

Случается такое и с людьми в мире. Они вступают в Закон Будды, уходят от мира, ищут истинный Путь. Но не успеют они покинуть мир, как мысли их снова возвращаются к их жёнам, детям, родственникам, мирским делам, к удовольствиям от пяти желаний: желание пищи, питья, сна, чувственных наслаждений, богатства. Из-за этого они теряют огонь — благодать заслуг и воду — соблюдение обетов.

Люди, мечтающие об удовольствиях от пяти желаний, уподобляются тому, кто лишился огня и холодной воды.

Осёл и посуда

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Некогда один брахман-наставник намеревался устроить большой собор. Обратившись к своему ученику, он сказал:

— Мне нужна глазурированная посуда, для того чтобы угощать из неё приглашённых во время собора. Найми-ка мне гончара. Отправляйся на рынок и там поищи.

Ученик пошёл к гончару.

В это время человек вёл осла, нагруженного фаянсовой посудой, человек этот шёл на базар продавать посуду. И вдруг осёл в один миг всё расколотил. Человек повернул назад, стал кричать и плакать. Увидев это, ученик брахмана спросил:

— Чем ты так огорчён и из-за чего убиваешься?

Человек ответил:

— Для того чтобы изготовить эту посуду, я потратил несколько лет упорного, тяжёлого труда — и вот получилась посуда. Я вёз её на базар продавать, а этот негодный осёл в один миг разбил всю мою посуду. Вот я и убиваюсь.

Услышав это, ученик брахмана очень обрадовался и подумал:

— Этот осёл — удивительная тварь: он сумел в один миг разбить то, что делалось в течение столь долгого времени. Я, пожалуй, куплю этого осла.

Ученик вернулся к наставнику верхом на осле. Наставник спросил у него:

— Почему же ты не привёл гончара и зачем мне этот осёл?

Ученик отвечал:

— Этот осёл превзошёл гончара: посуду, на изготовление которой гончар затратил так много времени, осёл разбил в один миг.

Тогда наставник сказал:

— Ты очень глуп, нет в тебе никакой мудрости. Этот осёл только и может, что бить. Но дай ему хоть сто лет, он не сделает ни единой посуды.

Так же и люди в мире: у них нет никакого желания отплатить добром тем, кто многие годы приносит им дары. Напротив, они постоянно вредят своим благодетелям и вовеки не принесут им пользы.

Те, кто забывает о благодеяниях, во всём подобны этому ослу.

Отметка на воде

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Некогда один человек плыл на лодке по морю и потерял серебряную чашу: он уронил её в воду. Тут же он решил: «Сделаю-ка я для памяти отметку на воде, что чаша осталась здесь, и двинусь дальше, а через некоторое время достану её».

Плыл он два месяца и приплыл в Государства Льва (Цейлон). Здесь он увидел речку, полез, в неё и стал искать потерянную ранее чашу. Когда его спросили, что он делает, он ответил:

— Некоторое время тому назад я потерял серебряную чашу и вот хочу разыскать её.

Его спросили:

— Где ж ты её потерял?

— При выходе в море, — отвечал он.

— Сколько времени прошло с тех пор, как ты её потерял? — продолжали его расспрашивать.

Он сказал, что прошло уже два месяца.

— Если с тех пор, как ты её потерял, прошло уже два месяца, почему ты сейчас ищешь её именно здесь? — спросили люди.

— Потому, — ответил он, — что там, где я потерял чашу, я сделал для памяти отметку на воде. А вода в этой реке ничем не отличается от той, на которой я сделал отметку. Вот я и ищу здесь.

— Допустим, — продолжали люди, — вода одна от другой не отличается, но, когда ты потерял чашу, ты ведь находился где-то там, а ищешь её здесь. Откуда она может взяться!

И тут все, как один, стали громко смеяться над ним.

Так же поступает и еретик: он не совершенствуется в правильных поступках. Внешне он как будто бы и добродетелен. Сбившись с ног, ищет причину страданий, чтобы освободиться от мирских уз.

Точь-в-точь как с тем глупцом: потерял чашу в одном месте, а ищет совсем в другом.

Отцовская добропорядочность

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

В давние времена какой-то человек расхваливал перед собравшимися добропорядочность своего отца. Он говорил:

— Мой отец милосерден, он не убивает и не ворует. В поступках прям, в речах правдив, а сверх того, занимается раздачей милостыни.

Эти слова услышал один дурак и заявил:

— Мой отец своей добропорядочностью значительно превзошёл твоего.

Люди спросили:

— Какие же похвальные поступки совершил твой отец? Пожалуйста, расскажи нам о них.

Дурак отвечал:

— Мой отец с самого детства пресёк в себе плотские желания и никогда не осквернял себя ими.

Люди сказали:

— Если твой отец пресёк в себе плотские желания, то как же ты родился?

Ну и высмеяли его все окружающие!

Так поступает и тот в этом мире, кто, будучи лишён разума, подвержен перерождениям: он хочет воспеть добродетели человека, но так как он не разбирается в существе дела, то его похвала превращается в хулу.

Точно как с тем глупцом: хотел прославить отца, но своими высказываниями развенчал его.

Оштукатуривание стен

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Как-то раз один человек пришёл к другому и увидел, что у того в доме стены оштукатурены, пол ровный, в доме чисто и приятно.

Тогда он спросил хозяина:

— На чём ты замешивал глину, что так хорошо получилось?

Хозяин сказал:

— Как следует размочил в воде рисовые отруби, подмешал к глине и обмазал стену, потому так и получилось.

Глупец подумал: «А если взять чистый рис? Ведь лучше это сделать с чистым рисом. Стена будет белая и чистая. И глина ляжет ровно и хорошо».

Тут же он взял рис, замешал с глиной и обмазал стену. Он рассчитывал, что получится ровно и хорошо, а получилось наоборот — бугры и вмятины. И вся стена потрескалась. Зря только рис израсходовал, а пользы никакой. Лучше было бы раздать этот рис в виде подаяния и тем обрести благодные заслуги.

Люди в мире тоже поступают так. Услышат, как мудрый человек, толкуя Закон, утверждает, что, совершенствуясь во всём добром, принося в жертву самого себя (обжигая или отрезая части своего тела), можно достичь возрождения на небе и тем самым освободиться от мирских уз, кончают с собой в надежде тоже возродиться на небе и освободиться от мирских уз. Но они только напрасно губят себя, ничего не достигая.

Точь-в-точь как тот глупец.

Пастух и хитрец

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Жил когда-то один человек. Он был искусным пастухом. Овец у него было много, несметное количество. Пастух был очень жаден — другому и крохи не даст.

Жил в те же времена другой человек. Был он искусным хитрецом. Выбрав удобный случай, он пришел к пастуху завязать с ним дружбу и обратился с такими словами:

— Мы теперь с тобой настолько сроднились, что составляем одно целое: где ты, где я — не различаю. А известно мне, что в одном доме есть хорошая девушка, и я сделаю всё, чтобы она досталась тебе в жёны.

Услышав такое, пастух обрадовался, дал тому много овец и всяких других подарков.

Некоторое время спустя хитрец сказал:

— Сегодня твоя жена родила сына.

И хотя пастух и женщины-то самой ещё не видел, но, узнав, что родился сын, несказанно обрадовался и снова щедро одарил хитреца.

Прошло ещё время, и тот снова говорит пастуху:

— Сегодня умер твой новорождённый сын.

Услышав про это, пастух громко заплакал, и рыданий его было уже не остановить.

Так бывает и с людьми в мире. Наслушавшись поучений, они во имя своей выгоды держат втайне знание Закона и не желают произносить проповеди, чтобы других обращать к истине. Введённые в заблуждение просачивающимся в тело вожделением, они обретают порочную тягу к мирским радостям.

Подражание криканию уток

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

В некоем государстве существовал в старину весёлый праздник. В день этого праздника все женщины украшали волосы цветами утпала (голубого лотоса). Жена одного бедняка сказала мужу:

— Если ты сумеешь раздобыть для меня цветов утпала, я и в дальнейшем буду тебе женой, если же не сумеешь, я тебя брошу.

Муж этой женщины издавна умел искусно подражать утиному кряканью. Он тут же забрался в царский пруд и, подражая утиному кряканью, сорвал цветок утпала.

В это время сторож, охранявший пруд, спросил:

— Кто это там в пруду?

И у бедняка невольно вырвалось:

— Это я, утка.

Сторож схватил его и повёл к правителю. По дороге бедняк снова очень похоже изобразил утиное кряканье. Стороживший пруд сказал:

— Если ты не сделал этого раньше, какой прок от этого сейчас?

Глупцы в мире поступают так же. Всю жизнь только и занимаются тем, что причиняют вред, совершают всевозможные злые деяния, не совершенствуются в мыслях и поступках на пути к добру. И лишь в конце жизни говорят:

— Вот сейчас я хочу, чтобы мне дали возможность практиковать добро.

Но стражники подземной тюрьмы уже ведут их к своему владыке Яньловану (повелителю царства мёртвых). И хотя они готовы делать добро, но уже поздно.

Это подобно тому глупцу, который стал подражать кряканью утки, когда его уже вели к правителю.

Покалеченный самим собой

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Некогда один мастеровой вынужден был работать на правителя. Человек не мог выносить таких тягот и притворился слепым. Таким образом, ему удалось избавиться от страданий.

Другой мастеровой, узнав об этом, надумал и вправду лишить себя глаз, чтобы избежать тяжких повинностей.

Кто-то сказал:

— Зачем же ты сам себя увечишь, подвергая ненужным мукам?

Подобных глупцов современники осмеивают.

Люди, живущие в мире, поступают так же: ради маленькой славы и выгоды они несут вздор, разрушают чистые заповеди. Плоть их умирает, жизнь кончается, они ввергают себя в пучину трёх зол.

Происходит то же, что с тем глупцом, который ради ничтожной выгоды лишил себя глаз.

Пол-лепёшки

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Какой-то человек, будучи голоден, съел семь жареных лепёшек. Уже после того как он съел шесть с половиной, он почувствовал, что совсем сыт. Этот человек очень рассердился и, хлопнув себя рукой по лбу, сказал:

— Этой половиной лепёшки я сейчас и насытился. А шесть лепёшек, что съел до этого, всё равно, что выбросил. Если бы знать, что именно этой половины лепёшки достаточно, чтобы оказаться абсолютно сытым, надо было сначала съесть её.

Люди в мире поступают так же. С самого начала они никогда не знают блаженства. Но из-за глупости у них всё становится с ног на голову и возникает превратное представление о блаженстве. Подобно тому, как у глупца мысль о сытости возникла на половине седьмой лепёшки.

Люди в мире лишены понимания. Они принимают за блаженство богатство и знатность. На самом же деле в то время, когда стремишься к богатству и знатности, очень страдаешь. Обретя их и стараясь сохранить, тоже страдаешь. Потом, лишившись их, снова печалишься и опять страдаешь. На всех трёх этапах нет никакого блаженства.

Ещё называют блаженством одежду и пищу.

В горьких страданиях рождается превратное представление о блаженстве. В поучениях всех Будд сказано:

— Во всех трёх мирах нет покоя, а есть лишь тяжкие страдания.

Омрачённые же жители этого мира, напротив, думают о блаженстве.

Поливка сахарного тростника

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Однажды два каких-то человека одновременно посадили сахарный тростник и договорились: тот, у которого вырастет хороший тростник, получит награду, а тот, у которого тростник будет плохой, будет тяжело наказан.

Тогда один из договаривавшихся подумал:

— Сам сахарный тростник очень сладкий. Если я выжму из него сок, и им буду поливать посеvy, то мой тростник будет, несомненно, самым сладким, и я одержу победу.

Тут же он выжал сок из сахарного тростника и полил им посеvy. Он надеялся на необычайно прекрасный вкус, но получилось наоборот: семена погибли, и весь сахарный тростник, который у него был, начисто пропал.

С людьми в брэнном мире тоже случается такое. Они стремятся к счастью и добру, но полагаются при этом на свою знатность и могущество, злоупотребляя внешней формой в ущерб внутренней. Они угнетают простой народ, лишают его богатства и надеются таким путём обрести счастье.

Но плоды добра, которые были у них изначально, в будущем неожиданно для них оборачиваются несчастьями.

Точь-в-точь как с тем, что выжимал сок из сахарного тростника и из-за этого лишился всего.

Посевная

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Жил-был некогда мужик. Пришёл он в поле и увидел густую, высокую пшеницу.

Мужик спросил у хозяина пшеничного поля:

— Как тебе удалось получить такую густую пшеницу?

Хозяин ответил:

— Хорошенько вспахал землю, унавозил и поливал — вот и выросла такая.

Мужик немедленно обработал землю таким же способом: полил, унавозил, сделал всё, как положено. Когда же надо было бросать в землю семена, он побоялся, что своими собственными ногами утопчет землю и пшеница не взойдет. «Сяду-ка я на скамью, и пусть другие меня понесут. А я буду сверху разбрасывать семена. Вот так-то будет хорошо». Тут же он велел четверым, чтобы они, взявшись за ножки скамьи, несли его над полем, а он бы бросал в землю семена.

Однако при этом утоптали землю гораздо больше. Разумеется, все его осмеяли. Он боялся повредить поле своими двумя ногами, но гораздо больше повредили ему восемь ног.

Жители этого мира тоже таковы. Если они обрабатывают поле обетов, чтобы в будущем взошли ростки добра, то им следует обратиться к наставнику, воспринять и исполнить его наставления, и тогда появятся ростки Закона. Они же, напротив, совершают преступления, творят всякое зло. Из-за этого не всходят ростки обетов.

Их можно сравнить с тем глупцом, что, опасаясь повредить вспаханную землю своими двумя ногами, увеличил число ног до восьми.

Поспешность сына

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Некогда один человек ночью сказал сыну:

— Завтра мы с тобой пойдём в ту деревню и кое-чего там добудем.

Сын услышал это и рано утром, не спрашивая ни о чём отца, пошёл в деревню один. Пока добирался, он невероятно устал. И всё зря: ничего он там не добыл. И поесть не достал, хотя был смертельно голоден и очень томился от жажды. Вскоре он вернулся и встретил своего отца.

Отец же, увидев, что сын вернулся, стал изо всех сил его бранить:

— Ну и дурень же ты, начисто лишён разума! Почему ты не дождался меня? Пошёл один и лишь впустую прогулялся туда-сюда. Зря только претерпел такие мучения!

Всеми людьми сын был осмеян.

И с жителями этого мира бывает такое. Они собираются уйти в монахи: бреют бороду, рядятся в монашеские наряды, но не стремятся воспринять от Светлейшего учителя (Будды) истинную Дхарму. Они утрачивают благость заслуг, приобретённых посредством погружения в созерцание на разных ступенях Пути. Они целиком лишаются сокровенного плода шраманов (праведников).

Они уподобляются тому глупцу, который впустую сбегал туда и обратно, ничего не достиг, а только устал. Такие люди лишь внешне похожи на шраманов, в действительности же они ничего не достигли.

Потеря зрения

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Некогда один человек взял в жёны сразу двух женщин. И стоило ему только приблизиться к одной, как другая приходила в ярость. Он никак не мог решить, как себя вести.

Он улёгся прямёхонько между двумя женщинами, устремив глаза в небо. Полил ливень. Крыша дома протекла (что для буддиста соотносится с плохо развитым умом, в который просачивается вожделение). Вода, смешанная с грязью, стала капать вниз, попадая как раз глупцу в глаза.

Следуя избранному им первоначальному принципу, он не посмел ни встать, ни отвернуться. Это привело к тому, что он ослеп на оба глаза.

С людьми в мире тоже происходит подобное. Они сближаются с неверными друзьями, привыкают поступать вопреки Закону. Они создают себе злую карму и попадают на дорогу трёх зол. Они навеки остаются в круговороте жизни и смерти, лишаются глаз мудрости.

Точь-в-точь как с тем глупцом, который из-за двух жён потерял оба глаза.

Похороны двух сыновей

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Некогда у одного глупца росло семеро сыновей. Но вот один из семерых безвременно умер. Когда глупец увидел, что сын мёртв, он решил было, что оставит труп в доме, а сам уйдёт из дома. Соседи, узнав об этом, сказали ему:

— Пути живых и мёртвых расходятся: ты бы поскорее обрядил покойника и похоронил его в отдалённом месте. Зачем же оставлять в доме труп, а самому уходить?

Выслушав это, глупец про себя подумал: «Если никак нельзя его оставить, а обязательно нужно хоронить, то лучше убить ещё одного сына: нести на коромысле с двух сторон гораздо удобнее».

И он без промедления убил второго сына и понёс оба трупа. Похоронил он их далеко, в пустынном месте. Свидетели этого удивлялись столь невиданному случаю.

Вроде как с тем бхикшу (монахом): он тайно нарушил один обет, но, вместо того чтобы устыдиться, раскаяться, он умолчал, всё сокрыл и говорил о своей чистоте. Но тут какой-то мудрец сказал ему:

— Человек, ушедший от мира, соблюдает обеты, как хранил бы драгоценную жемчужину — не роняя, чтобы не появился изъян. Как же так: ты, сейчас нарушил обет и не стремишься покаяться?

Бхикшу сказал:

— Если уж так нужно покаяться, то я заодно нарушу ещё один обет и тогда уж разом покаюсь.

И он нарушил ещё один обет, совершил много недобрых поступков и во всех покался.

Как тот дурак: когда один сын у него умер, он сам убил второго; точно таков и наш бхикшу.

Пригоршня гороха

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Некогда обезьяна держала пригоршню гороха. Нечаянно она выронила одну горошину. Горошина упала на землю. Обезьяна бросила весь остальной горох, который был в руке, чтобы найти ту одну горошину. Но она ещё не успела поднять обронённую горошину, как весь горох, который она бросила, подчистую склевали птицы.

То же происходит с людьми, покинувшими суетный мир. Сначала они нарушают один обет и не могут раскаяться. Из-за того же что они не раскаялись, пышным цветом расцветает их распушенность, и они отказываются от всех обетов.

Точно как с той обезьяной, что, уронив одну горошину, выбросила весь остальной горох.

Принесение в жертву проводника

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Однажды торговцы задумали отправиться в заморские страны. Согласно закону, для путешествия за море, полагалось сначала найти проводника, и только потом можно было пускаться в путь. Торговцы все вместе взялись за поиски и нашли себе проводника. Он сразу же повёл их.

Вот подошли они к большой пустыне. Там стоял храм, где приносили жертвы небу. Нужно было принести в жертву человека, лишь после этого можно было следовать дальше. Торговцы стали совещаться между собой:

— Все мы, спутники, друг другу приходимся роднёй. Как же можно кого-то из нас убивать! Остаётся один лишь этот проводник. Из всех нас его одного можно принести в жертву небу. Тут же они убили проводника и принесли жертву небу.

Но вот закончилась церемония жертвоприношения. Спутники сбились с пути, не знали, куда двигаться. От истощения и усталости все они погибли.

Точно таким же образом поступают и люди, живущие в бренном мире: они хотят выйти в море Закона (учение Будды безбрежно) и добыть его сокровища. Для этого нужно упражняться в исполнении закона добра. Они же полагаются на наставника, а сами разрушают добрые свершения

и навсегда остаются на бескрайней дороге рождения и смерти. Они идут по трём дорогам зла (три перевоплощения: в аду, в духов и в животных) и будут вечно терпеть муки.

С ними происходит то же, что с теми торговцами, которые собирались путешествовать в заморские страны, а сами убили проводника, после чего они блуждали, сбившись с пути, и, в конце концов, погибли от невыносимых страданий.

Притворившийся умытым

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Некогда правитель одного государства издал закон: «Все брахманы, проживающие в моём государстве, обязаны умываться дочи́ста. Тех же, кто не станет умываться, велю отправлять на всякого рода тяжёлые работы».

Какой-то брахман только ради видимости носил кувшин для умывания и лишь притворился, будто умывается. Люди наливали ему воду, а он тут же выливал её и говорил:

— Если я недостаточно чисто умыт, пусть правитель сам меня умоет. Тогда я по воле правителя избегну государевых повинностей.

Так он делал вид, будто умыт, на самом же деле он вовсе не умывался.

Ушедшие в монахи жители этого мира тоже поступают так. Они бреют голову, красят одежду. По внутренней же своей сущности они нарушают запреты. Они делают вид, будто соблюдают обеты, надеясь получить выгоду и избежать государевых повинностей. Только внешне они похожи на шраманов (праведников), по внутренней же сущности они насквозь фальшивы.

Они уподобляются тому, кто только ради видимости носил с собой пустой кувшин.

Пятьсот пилюль

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Жила некогда женщина. В распутстве она не знала меры. И когда страсти её переполняли, она ненавидела своего мужа и всякий раз придумывала планы, как бы его погубить. У неё были различные замыслы, но она не могла их осуществить.

И вот, случилось так, что муж её был послан по службе в соседнее государство. Жена втайне придумала план. Она приготовила ядовитые пилюли и хотела отравить ими мужа. Она обратилась к мужу со словами, полными притворства:

— Тебя отправляют в дальние края на службу. Если случится тебе испытать какие-то лишения, то вот я приготовила пятьсот живительных пилюль. Я даю их тебе вместо припасов на дорогу. Когда ты окажешься за пределами нашего государства, в чужих краях, когда будет трудно и ты будешь голоден, ты сможешь достать их и съесть.

Муж запомнил эти её слова. Добравшись до чужих мест, но ещё не успев отведать пилюль, он тёмной ночью остановился в лесу. Так как он боялся хищных зверей, то для безопасности забрался на дерево. А свои живительные пилюли он оставил внизу, под деревом.

И как раз случилось так, что в ту самую ночь пятьсот воров-разбойников, укравших у правителя государства пятьсот лошадей и разные сокровища, расположились под этим же деревом.

Поскольку они бежали и скрывались, то были голодны и страдали от жажды. А тут под деревом они увидели живительные пилюли. Все разбойники набросились на них, и каждый съел по одной. Губительная сила яда дала себя знать, и все пятьсот разбойников полегли разом.

С наступлением следующего дня человек, сидевший на дереве, увидел, что все разбойники лежат под деревом мёртвые. Тогда он нарочно порубил трупы мечом и вонзил в них стрелы, взял осёдланных лошадей и драгоценности и двинулся в то государство.

В это же время правитель государства и с ним множество народа шли по следам грабителей. В пути тот человек повстречался с правителем. Правитель спросил:

— Что ты за человек и где взял лошадей?

Человек отвечал:

— Я из такого-то государства. В пути столкнулся с шайкой грабителей. Я их всех разом порубил и пронзил стрелами, и теперь все пятьсот разбойников лежат мёртвые под деревом. А лошадей и драгоценности я забрал, чтобы вернуть их правителю. Если ты, правитель, не веришь, можешь послать осмотреть то место, где разрублены и уничтожены грабители.

Правитель тут же послал доверенное лицо посмотреть. В самом деле, всё оказалось так, как рассказывал этот человек. Правитель очень обрадовался. Он воскликнул:

— Видано ли такое!

Когда же вернулись домой, он щедро наградил и пожаловал титулом смелого человека. Правитель одарил смельчака драгоценностями, пожаловал земли.

Старые сановники, служившие у этого правителя, стали очень завидовать. Они сказали правителю:

— Этот человек из дальних мест. Не стоило бы ему доверять. Почему ты вдруг так благоволишь к нему, так его награждаешь, даёшь титулы значительно щедрее, чем тем, кто давно тебе служит?

Человек из далёкой страны услышал это и сказал:

— У кого из вас хватит смелости со мной помериться силами, пусть выйдет на ровное место и покажет свои силы и умение.

Старые сановники испугались и не решились противостоять смельчаку.

Прошло какое-то время, и в этом государстве на огромном пустыре завёлся свирепый лев: он выходил на дорогу и убивал людей. По дорогам страны невозможно стало ездить.

Тогда старые сановники стали держать совет и решили:

— Этот человек из далёкой страны считает, что он смел и силён так, что не имеет себе равных. Если теперь он убьёт льва и избавит страну от этой беды, это и в самом деле будет необычайно.

Своё мнение они доложили правителю. Правитель выслушал их, вручил смельчаку меч и дубину и велел ему выступить.

Человек из далёкой страны, как только получил приказ, укрепил свою волю и двинулся на льва. Завидев человека, лев пришёл в ярость, зарычал, прыгнул, бросился вперёд. Человек испугался и в тот же миг влез на дерево, от страха выронив из рук меч.

Меч угодил в львиную пасть, и лев тут же издох. А человек из далёкой страны от радости запрыгал и отправился с докладом к правителю.

Правитель удвоил своё благоволение. Тогда уж и люди этого государства тоже стали уважать его и доверять ему.

Живительные пилюли, приготовленные женой, — это намёк на нечистое даяние (раздачу милостыни с корыстной целью). То, что правитель направил человека послом, — намёк на совершенного наставника (Мудреца, правильно излагающего Закон Будды). То, что человек отправился в другое государство, — это намёк на небеса. То, что человек уничтожил шайку грабителей, сравнивается со вступлением в сротапанну (первую из четырех ступеней святости, ведущих к просветлению) и окончательным пресечением пяти желаний и треволнений. То, что человек встретил правителя того государства, — намёк на встречу с совершенномудрым. То, что старые сановники того государства ревновали и завидовали, — намёк на всех еретиков. Когда они видят, что мудрый человек может пресечь треволнения и пять желаний, они начинают возводить на него клевету. Они говорят, что ничего этого не было. То, что человек из далёкой страны, придя в ярость, сказал старым сановникам, что никто из них не сможет ему противостоять, — намёк на то, что еретики не смеют противиться истине. То, что человек убил льва, сравнивается с уничтожением демона Мары (Злого Духа-искусителя), после которого прекратились все треволнения. И ещё это намёк на то, что повергнувший злых демонов получает в награду плоды Пути, не возмущённые мирскими треволнениями (вступает в Нирвану). То, что человек из далёкой страны каждый раз испытывал страх, — это намёк на то, что слабость может обернуться силой.

Хотя поначалу он и не имел чистых помыслов, но с помощью своих даяний повстречался с другом добра и получил наивысшее воздаяние. Нечистые даяния хотя и нечисты, но добрые устремления могут превратить их в даяния радости. Вот почему следует усердно раздавать милостыню на ниве счастья.

Разбитая голова

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Жил некогда один глупец с лысой головой. Кто-то ударил его по голове. Потом ударил второй и третий раз, да так, что всю голову расшиб. При этом дурак молча терпел и не догадался убежать.

Окружающие, видя это, говорили ему:

— Что же ты не убегаешь? Стоишь, а тебя колотят, и вот уже голова разбита.

А дурак на это отвечал:

— Взять, к примеру, этого человека: он заносчив, полагается только на свою силу. Он глуп, ему недостаёт разума: видит, что у меня на голове нет волос, и принимает её за камень. И ну колотить меня по голове, так что вконец голову и расшиб.

— Вот ты и есть дурак, — сказали окружающие, — как же ты можешь кого-то называть глупым?! Будь ты поумнее, разве б не сообразил убежать, когда тот стал тебя колотить и расшиб голову!

Бывает то же и с бхикшу (монахами). Они не могут в полной мере соблюдать обеты, в которые верят, и усовершенствоваться в той мудрости, которую услышали. Они заботятся лишь о ложных обрядах и церемониях, стремясь обрести для себя выгоду.

Точно как с тем глупцом: его били по голове, а он не догадался убежать, и, будучи весь изранен, он обозвал дураком того, который бил. Во всём похожи на него и эти бхикшу.

Скамейки для правителя

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Некогда один правитель собирался отправиться в Прекрасный сад, чтобы развлечься и повеселиться. Одному из сановников он приказал:

— Возьми скамейку и отнеси в этот сад. Я на ней посижу, отдохну.

Тот, кому было дано поручение, постеснялся нести скамейку в руках. Он сказал правителю:

— Я не могу нести её в руках, а хотел бы нести на плечах.

Тогда правитель нагрузил ему на спину тридцать шесть скамеек и велел нести в тот сад.

Глупец, который так поступил, был осмеян всем миром.

Жители этого мира поступают таким же образом. Если они видят, что на земле лежит женский волос, то, не желая его поднять, говорят, что соблюдают запреты. Потом их начинают обуревать треволения, тогда они не считают отвратительными все тридцать шесть нечистот — волосы, шерсть, ногти, зубы, мочу, кал и другие подобного рода нечистоты. Они держат в руках одновременно все тридцать шесть, при этом им не становится стыдно, и они не отказываются от этих нечистот до самой смерти.

Они уподобляются тому глупцу, которого нагрузили скамейками.

Слуга и ворота

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Какой-то человек собирался в далёкое путешествие. Своему слуге он наказывал:

— Ворота охраняй хорошенько. Да ещё присматривай за верёвкой, которой привязан осёл.

После отъезда хозяина в соседнем доме заиграла музыка. Слуге так захотелось послушать, что он не мог совладать с собой. Он быстро перевязал верёвкой ворота, положил их верблюду на спину и направился слушать музыку туда, где разыгрывалось веселье.

Когда слуга ушёл, воры вынесли из дома все вещи. Вернулся хозяин и спросил слугу:

— Куда делись вещи?

Слуга ответил:

— Уходя, хозяин поручал мне ворота, осла и верёвку, всё же остальное меня не касается.

Хозяин тогда сказал:

— Я оставил тебя караулить ворота именно из-за вещей. На что мне ворота, если вещи пропали?

Глупцы, пребывающие в круговороте жизни и смерти, поступают так же, как ревностный слуга. Наставления добру Будды Жулая всегда охраняют вход в органы чувств, не давая проникнуть в них шести видам мирской пыли: форме, звуку, запаху, вкусу, осязанию и мысли. Они охраняют непросветлённого осла и присматривают за верёвкой пристрастий. Но бхикшу (буддийские

монахи) не стремятся усвоить поучения Будды, они жадно стремятся к выгоде, выдавая себя за чистых и белых, как правда Будды. Они сидят в месте очищения, но их сердца плавают и носятся в жажде удовлетворения пяти желаний. Их сбивают с толку красота, звуки, ароматы, вкусы. Омрачение покрывает их сердца. Их опутывает верёвка пристрастий. И как раз в то время, когда они думают о просветлении, теряют богатство, накопленное на всех ступенях Пути.

Служанка пяти хозяев

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Пять человек сообща купили служанку. Один из них сказал служанке:

— Постирай-ка мне одежду.

И другой тоже сказал:

— Постирай мне одежду.

Служанка ответила второму:

— Первым делом я постираю тому, первому.

Второй разгневался:

— Я покупал тебя сообща с тем, первым. Почему же ты сделаешь это только для него?

И он нанёс ей десять ударов. Так же поступили и все остальные: каждый из пятерых нанёс ей по десять ударов.

С пятью составляющими (материальные признаки, ощущения, восприятия, наклонности или способности и разум) происходит то же самое. Причины и следствия от треволнений и суеты собираются все вместе в одной плоти. Эти пять составляющих постоянно наносят палочные удары всем сущим через рождение, старость, болезнь, смерть и бесчисленные страдания.

Смена носа

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Некогда жил-был человек. Имел прекрасную жену. Только нос у неё был безобразный.

Как-то, выйдя из дома, этот человек увидел красивую женщину. И уж очень хорош был её нос. И человек подумал: «Почему бы мне ни отрезать её нос, чтобы приставить к лицу своей жены? Ведь он и ей также подойдет!»

Тут же отрезал он нос у незнакомки и принес его домой. Вызвал жену:

— Скорее иди сюда, я принёс тебе красивый нос.

Вошла жена. Он мигом отрезал её нос и пытался приделать к её лицу нос другой женщины. Однако на лице жены нос не держался. И своего носа она уже лишилась. Глупец зря только обрёк свою жену на сильные муки и боли.

Глупцы в мире тоже поступают так. Услышат, например, что какие-то шраманы и брахманы в прежние времена приобретали большую известность, их почитали в мире, они получали большие подношения, и начинают думать так: «Ведь я ничем не отличаюсь от тех шраманов и брахманов». Они незаслуженно возносят себя, нелепо заявляют, что обладают добропорядочностью. Из-за этого они не только лишаются благоденствий со стороны мирян, но и разрушают своё поведение. Это подобно тому, как, отрезав чужой нос, глупец ничего не достиг, а лишь сам себе причинил вред.

Именно так действуют и глупцы в мире.

Смерть сына

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Некогда отец и сын поехали вдвоём по делам. В дороге на них неожиданно напали разбойники и хотели их ограбить.

В ушах у сына были серьги из чистого золота. Увидев, как внезапно налетели разбойники, отец испугался, что может лишиться серёг. Он тут же попытался собственной рукой выдернуть их, но уши сына сразу не поддались. Тогда, чтобы сохранить серьги, отец отрубил сыну голову.

Вскоре разбойники скрылись. Отец приставил голову назад к плечам сына, но она никак не желала держаться.

Такой глупец — весь мир над ним потешался.

Люди суетного мира тоже поступают так. Во имя славы и выгоды ведут бессодержательные беседы. Они говорят о наличии второго рождения и об отсутствии второго рождения; о наличии промежуточного существования и об отсутствии промежуточного существования; о том, есть ли мера для разума, или же меры для разума нет, о том, что без разного сорта вздорных мыслей нельзя постичь суть Закона.

Когда другие люди, рассуждая согласно Закону, разбивают подобные суждения, те говорят:

— В моих суждениях вовсе не было таких высказываний.

Такие глупцы ради славы и выгоды вздорными речами губят плоды пути шраманов (праведников). Когда же плоть их разрушается и жизнь подходит к концу, они попадают на три дороги зла.

Это подобно тому, что было с глупцом: из-за маленькой выгоды он отрубил голову своему сыну.

Снадобье для взросления

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Некогда у правителя одного государства родилась дочь. Правитель призвал лекаря и сказал ему:

— Дай мне лекарство, от которого моя дочь сразу стала бы взрослой.

— Я дам тебе отменное снадобье, от которого твоя дочь сразу станет взрослой, — отвечал лекарь, — только сейчас его нет, оно кончилось, и, значит, придётся его раздобывать. А до тех пор, пока я не достану лекарство, правитель не должен видеть дочь. Только после того как я дам ей снадобье, правителю покажут девочку.

И не откладывая, лекарь отправился в дальние страны за лекарством.

Через двенадцать лет он привёз лекарство, дал девочке, чтобы она приняла, и повел её к правителю. Правитель увидел дочь, обрадовался и про себя подумал: «И в самом деле, превосходный лекарь: дал моей дочери лекарство, от которого она сразу повзрослела». И распорядился, чтобы приближённые одарили лекаря драгоценностями.

Тогда все люди стали смеяться над правителем, не наделённым мудростью. Он был настолько непонятлив, что не мог рассчитать, сколько месяцев и лет прошло с момента рождения дочери. Увидев, что она выросла, он решил, что это благодаря силе снадобья.

Подобное случается и с жителями нашего бренного мира; они приходят к постигнутому добро и обращаются к нему со словами:

— Я стремлюсь постичь Путь и хочу такого наставника, который помог бы мне сделать это немедленно.

Постигший добро наставник, в соответствии со способом, велит такому человеку сидеть, погрузившись в созерцание, и наблюдать двенадцать причин и следствий (цепь причинной связи, порождающей непрерывный поток индивидуальной жизни). Постепенно накапливаются добродетели и происходит превращение в архата (достигшего высшей свободы). Тут человек начинает ликовать, прыгать от радости, восклицая:

— О, великий наставник, вот так радость, ты помог мне в кратчайший срок.

Содранное мясо

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Некогда человек осуждал правителя за его грехи, он говорил:

— Правитель очень жесток, он правит несправедливо.

Правитель услышал это и очень разгневался. Он никак не мог выяснить, кому принадлежали эти слова. Поверив клеветнику, схватил преданного сановника и высочайше приказал вырезать у того из спины сто лянов (около 3,5 кг) мяса.

Нашелся, однако, какой-то человек, который установил, что пострадавший не произносил таких слов. Тогда правитель в душе раскаялся и потребовал, чтобы пострадавшему наложили на спину в виде заплаты тысячу лянов мяса. Ночью пострадавший стонал, кричал, пребывая в муках.

Правитель, услышав его стоны, спросил:

— Что ты страдаешь? Тебе вернули твои сто лянов в десятикратном размере. Неужели этого недостаточно? Почему ты так огорчаешься?

Приближённые ответили:

— Великий правитель, если б вам отрубили голову и дали бы тысячу других голов, всё равно смерти было б не избежать. С ним то же самое: пусть он получил мясо в десятикратном размере, но от страданий и более не избавился.

То же бывает и с глупцами: они не боятся будущего. С жадностью предаются наслаждениям нынешней жизни, подвергают мучениям все живые твари, издеваются над простым народом,

накапливают большие состояния и ещё надеются избавиться от грехов и получить счастливое воздаяние (перевоплощение в будущем рождении в существо высшего порядка).

Точь-в-точь как тот правитель: содрал со спины человека кожу, вырезал мясо, залатал спину другим мясом и считает, что не заставил того страдать. Видано ли такое?!

Сожжение грубой одежды

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Жил-был некогда человек в бедности и нужде. Нанявшись к кому-то на работу, он заработал себе на одежду из самой грубой ткани. Он надел эту одежду на себя.

Тут его увидел какой-то другой человек и сказал:

— Род твой знатен, ты — сын благородного человека, как можешь ты носить такую грубую одежду? Вот я сейчас научу тебя, как раздобыть самую изысканную одежду. Ты только поступиай, как я велю, а уж я тебя ни за что не подведу.

Бедняк обрадовался, изъявив почтительную готовность следовать указаниям этого человека. А человек тут же на месте развёл огонь и сказал бедняку:

— Теперь снимай свою дерюжную одежду и бросай её прямо в огонь. Я сделаю так, что, как только она сгорит, на том самом месте, где она сгорела, ты найдёшь изысканно прекрасное царское платье.

Бедняк мигом разделся и бросил свою одежду в огонь. Когда же она сгорела, он стал искать на том месте, где полыхал огонь, надеясь найти там изысканно прекрасное царское одеяние, но так ничего и не нашёл.

Люди в мире ведут себя подобным же образом. Из прошлого перерождения, совершенствуясь в соответствии с законом добра, они приобретают в настоящем человеческий облик. Его следует беречь и охранять и, продвигаясь в обретении добропорядочности, совершенствовать карму. Они же, обманутые еретиками, поддаются злым чарам. Последние твердят:

— Ты сейчас должен доверять моим словам. Занимайся всякого рода мученичеством: бросайся с утёсов, отправляйся на костры. Как только ты расстанешься со своим настоящим телесным обликом, ты возродишься на Небе, обретёшь вечное блаженство и радость.

Послушные этим словам, люди в мире жертвуют своей плотью. Однако, лишившись её, они попадают в подземную тюрьму для грешников и подвергаются всем мукам. Таким образом, потеряв человеческий облик, они ровно ничего не обретают.

Происходит точно то же, что с тем бедняком.

Сожжённое орлиное дерево

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Как-то давно один почтенный человек отправился за орлиным деревом в заморские края. Ему понадобился целый год, чтобы набрать воз этого дерева. Когда он вернулся домой, то пошёл на базар продавать орлиное дерево. Но стоило оно очень дорого, и потому покупателей не оказалось.

Прошло много дней, а человек всё не мог сбыть свой товар. Он устал, это занятие ему надоело, он ощутил беспокойство и тревогу. Тут он увидел, что человек, который торговал древесным углём, быстро всё распродал. Тогда он подумал:

— Пожалуй, лучше я сожгу орлиное дерево и сделаю из него уголь. Уголь можно будет быстро продать.

Он сжёг орлиное дерево, образовался уголь. Уголь он понёс на базар и продал. Но за уголь, полученный из орлиного дерева, он не получил даже того, что стоило полтелеги обычного угля.

Так поступают и глупцы в мире: они прибегают к бесчисленному множеству способов в надежде на плоды Будды (возможность в будущей жизни достичь нирваны). Но так как последние недостижимы, то появляются отступнические мысли: лучше уж принять решение стремиться к плодам гласу внимавших, поскорее прекратить круговорот жизни и смерти и стать архатами (теми, в ком угасли желания).

Солнечное затмение

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Некогда правитель Асуров (демонов), увидев, что солнце светит слишком ярко, заслонил его своей рукой (произвёл затмение).

Лишённый разума заурядный человек незаслуженно обвинил ни в чём не повинную собаку в том, что это она виновна в солнечном затмении.

Все люди суетного мира тоже таковы. Они алчны, сердиты и глупы. Из-за этого ни за что ни про что они подвергают страданиям своё тело: спят на колючках терновника, на пять ладов жгут своё тело.

Это можно сравнить с тем, как из-за солнечного затмения побили ни в чём не повинную собаку.

Спор о волоске

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Однажды два мальчика забрели в речку и стали играть. Со дна речки они достали пригоршню волос. Один мальчик сказал:

— Это борода святого.

Другой же мальчик сказал:

— Это шерсть медведя.

В те времена жил на берегу реки один отшельник. Так как спору мальчиков не было конца, они отправились к отшельнику, чтобы разрешить свои сомнения. Отшельник тут же взял зёрнышки риса и конопли, подержал во рту, пожевал и, выплюнув на ладонь, сказал мальчикам:

— То, что у меня на ладони, очень похоже на павлиний помёт.

Таким образом, этот отшельник не ответил на то, о чём его спрашивали, и люди поняли это.

Глупцы в мире тоже поступают так. Во время толкования Закона они развлекаются рассуждениями о разных законах, а не отвечают, в чём состоит главный принцип учения. То же, что с тем отшельником: он не ответил на то, о чём его спрашивали, и всеми был осмеян. Тот, кто растекается в пустых речах, уподобляется отшельнику.

Способ употребления лекарства

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Некогда один человек страдал расстройством желудка. Лекарь сказал, что нужно немедленно сделать промывание и тогда всё пройдёт.

Он тут же приготовил сифон для промывания и собирался проделать эту процедуру. Но не успел ещё лекарь подойти к больному, как тот взял и выпил лекарство.

У больного вздулся живот, и он чуть не умирал от нестерпимой боли, когда подошёл лекарь и, удивившись происшедшему, спросил:

— Что с тобой?

Больной отвечал лекарю:

— Лекарство, которое ты приготовил для промывания, я выпил и, наверно, вот-вот умру.

Услышав такое, лекарь принялся укорять его:

— Ну и дурак, не разобрался в способе употребления лекарства!

И тут же лекарь дал другое лекарство и вызвал у больного рвоту. Только после этого дурак почувствовал облегчение. Такой глупец всем светом был осмеян.

Жители этого мира тоже поступают так: они собираются изучать всевозможные способы созерцания, но, когда нужно созерцать нечистое, они занимаются подсчётом вдохов и выдохов. Если же нужно считать вдохи и выдохи, они, напротив, предаются созерцанию шести элементов — земли, воды, огня, воздуха, пространства и сознания. Они всё ставят с ног на голову, ибо лишены главного знания. Они напрасно губят свою жизнь. Оказавшись в затруднительном положении, не обращаются за советом к совершенному наставнику, а путают различные способы созерцания.

Они уподобляются глупцу, который выпил нечистое.

Страшное заклинание

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Однажды один человек рассердился на кого-то. И загрустил, перестал радоваться.

Кто-то спросил его:

— Что это ты так горюешь?

Тот ему отвечал:

— Один человек нанёс мне ущерб, а я не в силах ему отомстить. Я грущу оттого, что не знаю каким образом отомстить.

Кто-то сказал:

— Только с помощью заклинания Веталы (заклинания, произнесённого духом умершего) можно уничтожить его. Но тут есть одна неприятность: прежде чем уничтожить его, ты уничтожаешь себя.

Услышав такое, человек возликовал:

— Ты только научи меня. Пусть я сам погибну, но зато его уничтожу.

Так же и люди в мире. В гневе стремятся произнести заклинание Веталы и навлечь беды на другого. В конце же концов, ещё не успев причинить вреда другому, они своим гневом навлекают беду на самих себя. Они попадают в подземную тюрьму для грешных душ, перерождаются в животных или голодных духов.

Всё равно как с тем глупцом — никакой разницы между ними нет.

Требую «ничего»!

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Однажды шли по дороге вместе два человека. Вдруг они увидели, что какой-то третий человек везёт телегу, полную кунжута. Телега застряла на крутом участке пути и не могла двинуться вперёд.

Возница сказал, обращаясь к двум путникам:

— Помогите мне втолкнуть телегу на эту кручу.

Те двое спросили:

— А что ты нам за это дашь?

Возница ответил:

— Ничего — вот что я вам дам.

Те двое помогли вывезти телегу на ровное место и сказали вознице:

— Дай же нам то, что ты обещал.

— Я обещал ничего.

А те снова:

— Дай нам ничего.

Тут один из двух путников, улыбаясь, заметил:

— Стоит ли обижаться, если даже он и не хочет давать «ничего»?

Но другой настаивал:

— Дай мне «ничего», уж «ничего-то» у тебя непременно есть.

Однако первый из двух сказал:

— Ничего — это лишь название, это значение нескольких соединённых вместе знаков.

У людей, живущих в этом брэнном мире, когда они соприкасаются с понятием «ничего», возникает мысль о месте, где ничего нет. Второй же путник сказал:

— Ничего — это то, что не имеет формы, чего нельзя желать, с чем ничего нельзя сделать.

Трёхэтажная постройка

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Когда-то давно жил-был глупый богач. Он был туп, ни о чём не имел понятия. Пошёл он к другому богачу, увидел у того башню в три этажа, высокую, просторную, величественную. С высоты её видна была необозримая даль. Глупца охватила зависть, и он подумал:

— В богатстве я ему не уступаю. Почему бы и мне не соорудить такую же башню и сделать это, не откладывая?

Он сейчас же позвал плотника и спросил у него:

— Сможешь построить такую же красивую башню, как у того богача?

Плотник отвечал:

— Это я её и строил.

— Тогда, — сказал глупец, — точно такую же построй теперь для меня.

Плотник тут же замерил землю и стал закладывать фундамент постройки. Глупец видел, как тот делает кирпичную кладку, чтобы возвести строение, в чём-то усомнился, забеспокоился. Будучи не в силах разобраться, спросил у плотника, что он намерен делать.

Строить трёхэтажное здание, — отвечал тот.

Но глупец продолжал:

— Мне ни к чему два нижних этажа. Ты сначала построй мне самый верхний!

— Но такого ещё не бывало, — отвечал плотник. — Разве можно, не заложив фундамента, возводить первый этаж? А не построив второго, как можно строить третий?

Но глупец упрямо твердил:

— Да мне не нужны два нижних этажа. Ты мне строй самый верхний.

Услышав такое, все окружающие хохотали от изумления и говорили:

— Как можно, не построив нижнего этажа, соорудить верхние?

Уподобим это ученикам Будды, принадлежащим к четырём категориям: миряне, мирянки, монахи, монахини. Они не могут усердно совершенствоваться и почитать три драгоценности: Будду, его учение и монашескую общину. Они ленивы и расхлябанны, но хотят достичь результата Пути — Нирваны. Они говорят так:

— Нам теперь не нужны три первых результата (состояние «чистой» жизни; состояние «однажды возвращающегося», т.е. подлежащего ещё только одному рождению в этом мире; состояние «не возвращающегося»), нам нужен лишь результат, который соответствует состоянию архата (в ком угасли желания, кто достиг высшей свободы). И они были осмеяны окружающими. Точь-в-точь как тот глупец.

Три лепёшки

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Некогда жили-были муж с женой. У них было три лепёшки. Муж и жена поделили их между собой, каждый съел по лепёшке, и ещё одна лепёшка осталась.

Они условились: тот, кто заговорит, теряет лепёшку. Как только они заключили этот договор, ни один из них уже не смел разговаривать — и всё из-за одной лепёшки.

Прошло сколько-то времени. Какие-то воры забрались в их дом. Они обокрали их, унесли всё добро. Всё, что у них было, попало в руки воров. Муж и жена всё видели, но из-за заключённого ранее договора не произнесли ни слова.

Убедившись, что хозяева молчат, воры на глазах у мужа схватили жену. Муж и на это смотрел, не проронив ни слова. Тогда жена крикнула:

— Воры! — и обратилась к мужу, — что же ты, дурень, ради какой-то лепёшки глядишь на воров и не закричишь!

Тут муж хлопнул в ладоши, засмеялся и сказал:

— Ну, жена, уж точно лепёшка моя. А ты ничего не получишь!

Люди, жившие в то время, услышав такое, громко хохотали.

Так и с людьми в мире. Ради маленькой славы и выгоды они притворно безмолвствуют, и их захватывают всякого рода злые разбойники ложных треволений. В них гибнет закон добра, и они попадают на дорогу трёх зол. Однако они не пугаются. Они пытаются покинуть бранный мир, но из-за пяти желаний предаются забавам и развлечениям.

Хотя они и терпят большие муки, но не считают себя страждущими. Всё обстоит точно как с тем глупцом — никакой разницы между ними нет.

Убийство ребёнка

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Некогда жил брахман, который думал, что много знает. Он разбирался в гаданиях по звёздам и постиг все без исключения магические обряды. Возгордившись, он захотел, чтоб и другие узнали о его достоинствах. Для этого, придя в страну, где его не знали, он взял на руки ребёнка и стал плакать. Кто-то спросил брахмана:

— Почему ты плачешь?

— Этот ребёнок, — отвечал брахман, — через семь дней умрёт. Я скорблю о том, что жизнь этого младенца такая короткая. Оттого и плачу.

Окружающие сказали:

— Что предначертано судьбой, знать невозможно. А если, к счастью, твои расчёты неверны и через семь дней ребёнок не умрёт, зачем же оплакивать его раньше времени?

Брахман отвечал:

— Солнце и луна могут померкнуть, созвездия могут осыпаться, но моё предсказание не может не исполниться.

Ради собственной славы брахман к концу седьмого дня убил ребёнка. Таким образом он доказал, что его предсказание сбылось.

Когда через семь дней стало известно, что ребёнок умер, люди в мире заговорили с восхищением:

— Да он и впрямь мудрец — не ошибся в предсказании. И сердца их преисполнились веры в него. Они приходили к нему, чтобы выразить своё почтение.

Нечто подобное происходит с учениками Будды, принадлежащими к четырём общинам: во имя собственной выгоды они похваляются, будто обрели истинный Путь. Но действуют они по закону глупцов: убивая действительно достойных людей, обманным путём выдают себя за милосердных и добродетельных. За такое они в будущем подвергаются неисчислимым страданиям.

Происходит то же, что с брахманом, который для доказательства своей правоты убил сына и тем самым ввёл мир в заблуждение.

Удар по зубам

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Некогда жил-был знатный человек. Приближённые старались заслужить его благосклонность, и все перед ним пресмыкались. Знатный человек плюнет — слуги и приближённые ногой разотрут.

А вот один глупец не успевал растирать. Тогда он сказал:

— Когда плевок падает на землю, то все кидаются его растирать. Значит, я смогу растереть плевок раньше всех, если сделаю это, когда тот ещё только соберётся плюнуть.

В это время знатный человек кашлянул и хотел сплюнуть. Тут глупец поднял ногу и пнул того в рот: он разорвал знатному человеку губу и выбил зубы. Тот спросил глупца:

— Зачем ты пнул меня ногой в рот?

Глупец ответил:

— Когда ты плюёшь, и плевок падает на землю, то его растирают окружающие льстецы. Я же, как ни хотел растереть, всякий раз не поспевал. Поэтому, когда плевок собирался отделиться ото рта, я поднял ногу, чтобы успеть первым его растереть и тем добиться твоего расположения.

Всему своё время. Если время ещё не пришло, то, сколько ни старайся, напротив, получаются лишь суета и страдания. Вот почему людям этого бренного мира необходимо знать, когда время пришло, а когда — ещё нет.

Удержание медведя

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Однажды старуха прилегла отдохнуть под деревом и уснула. Явился медведь и ударил её лапой.

Спасаясь от медведя, старуха стала бегать вокруг дерева. Медведь же, преследуя её, обнимал дерево то одной, то другой лапой, намереваясь схватить старуху. Но старуха, изловчившись, мгновенно обхватила дерево и сдвинула обе лапы медведя. Медведь не мог шевельнуться.

Тут подошёл какой-то незнакомец. Старуха ему говорит:

— Помоги мне удержать медведя, тогда мы его убьём и поделим тушу.

Человек поверил словам старухи и стал вместе с ней придерживать медведя.

Но стоило ему лишь придерживать медведя, как старуха тут же отпустила зверя и убежала. Человека же этого медведь загрыз. Весь мир осмеял такого глупца.

Люди, живущие в этом мире, поступают так же. Они создают странные трактаты: в них нет ничего достойного, они витиеваты и многословны, страдают массой недостатков. Создатели этих трактатов погибают, ещё не завершив их. После их смерти другие люди берутся за эти же трактаты, намереваясь снабдить их комментариями, но не могут постичь их смысла и только мучаются над ними.

Это подобно тому, как было с тем глупцом: вместо другого взялся держать медведя, а сам из-за этого погиб.

Украденное платье

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

В давно прошедшие времена какой-то инородец, обитавший в горах, похитил вещь из кладовой правителя и сбежал куда-то далеко.

Правитель немедленно разослал людей во все концы. Вора нашли, схватили и привели к правителю. Правитель спросил, где тот взял платье. Вор ответил:

— Эта вещь досталась мне по наследству ещё от моего деда.

Правитель велел ему надеть платье. Но поскольку на самом деле это было чужое платье, то инородец и не знал, с какого конца его надевать: то, что нужно было надевать на руки, он надел на ноги; то, что должно было быть на поясе, оказалось на голове. Убедившись, что перед ним вор, правитель собрал всех своих сановников, они обсудили случившееся и сказали инородцу следующее:

— Если бы это платье действительно принадлежало твоему деду, ты бы знал, как его надевать. Разве стал бы ты надевать всё шиворот-навыворот, и то, что должно было быть сверху, у тебя

оказалось снизу? Неумелое обращение с платьем как раз и доказывает, что прежде у тебя не было этой вещи, и ты её украл.

Давайте уподобим правителя Будде, сокровищницу — Дхарме, а глупого инородца — еретику.

Тайком подслушав Дхарму Будды, еретик включил её в свою Дхарму и выдал за свою собственность. Но поскольку он не разбирался в Дхарме Будды, то, излагая её, он поставил всё с ног на голову. Он не знал проявления Дхармы.

Этот еретик поступил точно так, как тот инородец, который украл у правителя дорогой наряд, но, не зная, в каком порядке его надевать, надел шиворот-навыворот.

Утоление жажды

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Некогда человек в дороге томился от жажды. Вдруг он увидел, что из деревянной трубы течёт чистая вода. Он тут же подошёл и напился.

Утолив жажду, он поднял руку и сказал, обращаясь к трубе:

— Я уже напился, прекрати, вода, литься. Но, несмотря на его слова, вода по-прежнему продолжала течь.

Тогда он с гневом произнёс:

— Я уже напился и сказал, что не надо больше течь! Почему же ты продолжаешь течь по-прежнему?

Другой, услышав это, сказал:

— Ты очень глуп, начисто лишён ума. Ты бы просто ушёл отсюда, а ты говоришь, чтобы вода не текла.

И он подошёл к глупцу и оттащил его от того места.

Так и с людьми в мире. Они томятся от жажды любви в круговороте жизни и смерти и пьют солёную воду пяти желаний. Но вскоре они пресыщаются пятью желаниями.

Подобно глупцу, что утолил жажду, они тогда говорят:

— Не являйтесь больше мне формы, звуки, запахи, вкусы, чтобы я вас не чувствовал!

Однако пять желаний то и дело продолжают являться. Побывав ещё раз в их власти, люди с гневом говорят:

— Немедленно исчезайте и больше не являйтесь! Почему вы снова приходите и действуете на меня?

Тут появляется мудрый человек и говорит:

— Если вы хотите оградить себя от желаний, то должны обуздать шесть органов чувств (буддисты добавляют сердце, какместилище мысли), преградив путь этим желаниям. Тогда не будут рождаться сумасбродные мысли и можно будет освободиться от всех мирских уз. Для того чтобы желания не возникали, вовсе не обязательно не видеть соблазнов.

Точно как с тем глупцом, что пил воду.

Хвост и голова змеи

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Представим себе змею. Её хвост говорит голове:

— Я должен быть впереди.

Голова отвечает хвосту:

— Всегда я бываю впереди. Почему же вдруг будет иначе?

В результате впереди оказалась голова. Хвост же обвился вокруг дерева, и голова не могла двинуться вперёд.

Тогда она пустила вперёд хвост. Змея тут же свалилась в огненную яму и там сгорела.

С учениками и наставником иногда случается то же самое. Ученики говорят:

— Наставник уже стар, а всё ещё впереди. Вожаками должны быть мы, молодые.

Однако такие молодые не придерживаются установленных правил, во многом их нарушают и поэтому увлекают друг друга в подземную тюрьму для грешных душ.

Чёрная лошадь с белым хвостом

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Некогда один человек верхом на чёрной лошади въехал в ряды сражающихся разбойников. От страха он не смог сражаться. Тогда он измазал лицо кровью, притворился мёртвым и лёг среди мертвецов.

Лошадь, на которой он был, кто-то увёл. Когда разбойничье войско ушло, он захотел вернуться домой. Он отрезал хвост от чужой белой лошади и взял его с собой.

Кто-то спросил у него, когда он вернулся домой:

— Где твоя лошадь и почему ты не на ней?

Он отвечал:

— Моя лошадь издохла, я даже захватил с собой её хвост.

Окружающие сказали:

— У тебя ведь была чёрная лошадь. Как же хвост оказался белым?

Глупец молчал, ему нечего было сказать. Люди его осмеяли.

То же бывает и с людьми в мире. Сами говорят о любви и добре, о том, что совершенствуют своё милосердие, что не пьют вина, не едят мяса. Однако же они убивают всех живых тварей, умножают боль и страдание. Они лицемерно восхваляют свои добродетели. На самом же деле нет зла, которого бы они не совершили.

Они уподобляются глупцу, который солгал, что у него издохла лошадь.

Чужеземный обычай

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Некогда один человек приехал из Северной Индии в Южную. Прожив там довольно большой срок, он посватался к одной девушке, и они стали мужем и женой.

Как-то жена приготовила для мужа еды и напитков, а муж всё быстро-быстро проглотил. Его не остановило даже то, что пища была горячая. Жена с удивлением сказала мужу:

— Здесь нет разбойников, грабящих людей. Что у тебя за срочные дела, что ты так торопишься? Почему не можешь есть спокойно?

Муж ответил жене:

— Тут есть маленькая тайна, и я не могу раскрыть её тебе.

Услышав такое, жена решила, что всё дело в чужеземном обычае, и продолжала участливо расспрашивать его.

Прошло довольно много времени, и муж, наконец, объяснил:

— Мои деды всегда имели обыкновение быстро есть. Вот и я, подражая им, тороплюсь.

Люди в мире поступают так же. Они не постигают истинных правил, не отличают добро от зла. Они совершают дурные поступки и не испытывают стыда. Они говорят: «Мои предки всегда жили по таким законам». Они ведут себя так до самой смерти и не могут от этого отказаться.

Точно как тот глупец, который привык быстро есть и считал, что это хорошая привычка.

Шакал и ветка дерева

Сутра ста притч — Бай Юй Цзин

Под неким деревом находился шакал. Подул ветер, сломал ветку дерева, и она упала на спину шакалу. Обидевшись, он закрыл глаза и не пожелал смотреть на дерево. Он вообще покинул эти места и ушёл.

Добрался до возвышенного места. Наступил вечер, а шакал всё не хотел возвращаться.

Потом он увидел издалека, что ветер покачивает ветку дерева вверх и вниз. Тогда он сказал:

— Это она меня зовёт.

И тут же снова вернулся под то дерево.

Глупые последователи Будды тоже поступают так. Вот они уже достигли того, что ушли из мира и приблизились к наставнику. Но стоит лишь слегка их побранить, как они бегут от монашеской жизни.

В дальнейшем, когда им случается встретиться со злом, и смятению их нет конца, только тогда они возвращаются к наставнику. Такого рода уходы и возвращения происходят из-за заблуждения от глупости.